

Ольга Егорова

Капля света

«Наверное, все и получилось бы
такой же тая, как и задумала.
Как и спланировала. Наверное...
Если бы я не влюбилась...»

Ольга Егорова

Капля света

«Амиргамзаева Ольга»

2006

Егорова О.

Капля света / О. Егорова — «Амиргамзаева Ольга», 2006

ISBN 5-17-034289-6

Она заменила мать младшей сестренке Насте... Она вырастила Настю, мечтала о ее счастье – а стала свидетельницей ее гибели! Она решила отомстить за эту гибель – и превратилась из сдержанной, строгой Валерии в коварную соблазнительницу Свету – женщину, готовую разбить семью, погубившую жизнь Насти... Однако случайная встреча с Сергеем, сыном человека, жизнь которого мечтает сломать Валерия, изменила для нее все, – и ненависть нежданно-негаданно обратилась в любовь...

ISBN 5-17-034289-6

© Егорова О., 2006

© Амиргамзаева Ольга, 2006

Содержание

Часть первая. Чай со вкусом апельсина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Егорова

Капля света

Часть первая. Чай со вкусом апельсина

Из дневника Валерии

Моя жизнь иногда кажется мне сплошным темным туннелем. Избитое сравнение – ведь почти все люди, у которых жизнь безрадостная и беспросветная, сравнивают ее с длинным темным туннелем. И все же это именно так. Я ощущаю почти физически стены, вплотную сомкнувшиеся вокруг меня, не дающие сделать ни шага в сторону. Липкие, склизкие и влажные стены, не хочется к ним прикасаться, не хочется вдыхать воздух, который они источают. Иногда по ночам я просыпаюсь, задыхаясь от этого смрада. Просыпаюсь и вижу – темнота, мрак, ничто – моя жизнь. Вот она, здесь. Приходится идти вперед, надеясь на то, что где-то за поворотом меня подстерегает пропасть. Бездна. Шаг в темноте – полет – и больше уже ничего не будет. Кончится наконец этот длинный темный туннель. Господи, зачем ты заставляешь меня жить вечно?

Меня – одну на всей земле, жить, переживая бесконечные смерти близких и любимых людей, идти потому туннелю месяцы, годы, столетия? Разве я заслужила это – вечную жизнь?

Возможно, кто-то посчитает, что мне всего лишь двадцать с небольшим. Заглянув в мой паспорт. Или определит это по каким-то другим незначительным параметрам внешне-сти. Но я-то знаю... И все-таки что же это случилось со мной сегодня?

На самом деле это была странная встреча. Я покупала помидоры на рынке – может ли в жизни быть что-либо более банальное? Я покупала помидоры, а она стояла рядом и покупала морковь. Сначала я услышала ее смех.

Я подумала, что такого не может быть. Что человек, живущий, как и я, на этой земле, просто не может так смеяться, если он не ребенок. Я посмотрела на нее, почти в полной уверенности – она сейчас исчезнет. Растворится в моем взгляде, потому что таких, как она, не бывает. Светлые длинные волосы – белый пух на тонком стебле одуванчика, смех на лице, голубые глаза, тонкая золотая цепочка на шее. С виду – примерно моего возраста, если бы не сотни лет, о которых только я одна знаю. Потом я услышала: «Возьмите помидоры, девушка». Какие-то помидоры, я вообще понятия не имела, о чем со мной разговаривают. Взяла помидоры, отдала деньги. Это уже потом, вернувшись домой я обнаружила, что забыла сдачу. А в тот момент я думала только о ней. Она стояла у меня перед глазами – живая картинка, воплощение счастья. Счастье во всем – в ее взгляде, в ее волосах, как магнит, притягивающих к себе солнечные лучи. Она сама, света казалось, была источником солнечного света и посылала его – на небо, блеклому солнцу, которое потухло бы на третий день творения без этого источника.

Вот бы, подумала я, хоть каплю – мне.

Хоть каплю этого света, и почему же в жизни все так несправедливо устроено, и еще о чем-то подумала, не помню сейчас – мысли путались в голове, а она уже расплатилась за свою морковь, повернулась и пошла куда-то, удаляясь от меня с каждым шагом. Хоть каплю, подумала я, бросилась за ней, зрелище не для слабонервных. Она, наверное, решила, что у меня неправильная ориентация, когда я начала так бесцеремонно... Ошиблась – нет у меня никакой ориентации, ни правильной, ни неправильной, вообще никакой, у меня другая проблема – вечная жизнь. Я подскочила, схватила ее за плечо, снова подумала – хоть каплю! – и спросила, голоса своего не узнавая:

– Девушка, как вас зовут?

Она смотрела сначала немного растерянно, даже, кажется, испугалась меня, а потом все-таки ответила, смущенно улынувшись:

– Света.

И я отпустила ее. Я почувствовала, что мне больше ничего не надо. Я шла по улице, не замечая проходящих мимо людей, которые время от времени толкали меня то плечом, то локтем, и твердила про себя: «Света. Света, Света». Стараясь не забыть. Как будто можно забыть – такое.

А в глубине души разрасталось и крепло чувство; мы еще когда-нибудь встретимся...

* * *

– Что-то, Серега, барахлит твоя программка. Даром что «Сокол» называется – висит, как мышь летучая...

Сергей поднял глаза от компьютера.

– Вы, Альберт Петрович, извините меня, конечно только ведь много раз я вам уже говорил: вы слишком многого хотите.

– От тебя?

– Не от меня. От компьютеров. То, что вы задумали, превосходно. Только для воплощения в жизнь этой программы хотя бы самая скромная «четверка» нужна. На базе Интел с памятью не ниже двух с половиной. И уж никак не пентиум второй девяностого года выпуска.

– А это ты напрасно. Я узнавал, консультировался. Машина здесь ни при чем. Нормальная машина. Сергей устало вздохнул.

– Альберт Петрович, послушайте. Не знаю, у кого вы там консультировались, только мне никакие консультации не требуются. Пока вы компьютер не поменяете, она так и будет висеть. А если не хотите, чтоб висела – значит, ее снова кромсать придется. Хотите, я прямо сейчас вам ее порежу. Процентом пятьдесят оставлю...

– Не надо. Программа хорошая. Только ты сделай так, чтобы она не висела...

«Бывают же на свете такие тупые начальники» – раздраженно подумал Сергей и сразу же прочитал ответ на свою мысль во взгляде Альберта: бывают же на свете такие тупые подчиненные...

Рабочий день закончился уже пятнадцать минут назад. Окончательно испортив Сергею Настроение, начальник его накинул куртку и попрощался. В кабинете остались Сергей и Оксана, которая в конторе выполняла обязанности менеджера. Причем менеджера многопрофильного, иначе говоря, в каждой бочке затычкой работала эта бедная Оксана, что для Альберта Петровича было весьма выгодно. Оксана, впрочем, тоже уже собиралась домой.

– Закроешь, Сережа?

– Закрою, – кивнул он не глядя.

– Да ладно тебе, не расстраивайся. Альберт ничего, добрый мужик.

– Доброта еще никогда не служила оправданием глупости. И жадности тоже.

– Да брось. Неплохо ведь он нам платит.

– Достал он меня уже. Было бы куда – ушел бы.

– В том-то и дело, что некуда. Да ладно, не нервничай. Все у нас с тобой еще впереди...

– Надеюсь, что не позади.

– Закроешь?

– Закрою, я же сказал.

Еще минут пятнадцать Сергей пытался сосредоточиться на виртуальных шашках. Но невидимый его соперник, видимо, в данный момент пребывал в гораздо лучшем расположении

духа. Он уж точно с Альбертом был незнаком. Почувствовав, что партия проиграна, Сергей отключил шашки. Выключил компьютер, закрыл дверь и вышел на улицу.

Вечерний сумрак был каким-то тягучим и плотным, как водянистая каша, выплеснувшаяся на город. Сергей еще не забыл эту армейскую кашу, хоть и прошло уже пять с лишним лет с тех пор, как он питался ею в последний раз. Он шел по улице домой, с работы, как обычно, всё – как вчера и завтра, как всегда. Впрочем, не совсем как всегда – с той лишь разницей, что завтра суббота и на работу идти не надо. Оптимизма от этого не прибавилось – никаких планов на выходные не было, а это почти стопроцентная гарантия, что всю субботу и все воскресенье он будет думать только об одном: как же осточертела ему эта работа. Будет ждать понедельника, снова уставившись на монитор домашнего компьютера. Шашки, шахматы, нарды. Хорошо, что есть Интернет на свете. Без него – хоть в петлю...

Или, пожалуй, на дачу с родителями. Собирать последний урожай. «Ты ведь мужчина...» – Он даже услышал голос матери. Непонятно, с чего члены семьи его решили, что жизненное предназначение мужчины – собирать урожай на дачных грядках и что святое предназначение этого урожая – непременно быть собранным руками мужчины. Бред какой-то – кстати, его отец тоже не женщина...

Домой идти не хотелось. Хотелось чего-то другого. Простого и понятного, как жизнь. Банального, как глоток воды из-под крана. Чтобы забыть про Альберта. Про его тупость и жадность...

Он шел по улице, полностью поглощенный своими невеселыми мыслями, почти не замечая никого вокруг. Чуть не сбил с ног девушку, которая шла впереди него и внезапно остановилась как вкопанная.

«Черт», – подумал он раздраженно и обернулся. Стройная фигура, в меру обтянутая трикотажем, копна густых и светлых, как лен, волос. Девушка, кажется, что надо – так может быть, ему именно этого и надо? Сейчас, в этот тоскливый, серый вечер, неплохо было бы расслабиться... Такие красивые у нее волосы, и фигура прекрасная, и даже настроение у Сергея на короткий миг стало лучше.

Всего лишь на короткий миг. Она обернулась, он увидел ее глаза и сразу понял – нужно идти дальше, не останавливаясь. Не будет никакого флирта, не будет прозрачных намеков, уютного вечера в уютном кафе и скрипа тахты на съемной квартире у приятеля. Нужно идти дальше не останавливаясь, снова подумал он, но почему-то продолжал стоять на месте, не двигаясь. «Пожалеешь, – шепнул голос рассудка, – ох, как пожалеешь». Он и сам знал, чувствовал, что пожалеет. Что ни к чему ему все это – вселенская скорбь, сконцентрированная тысячекратно во взгляде голубых глаз незнакомой, чужой девушки. Пока еще незнакомой, пока еще чужой, пока еще можно все исправить, только не нужно стоять как столб и смотреть на ее туфлю. На туфлю, которую она почему-то держит в руке. Это совсем не то, что нужно ему сейчас. Совсем не те глаза, не тот взгляд. И это не Кнопка, тоскливо заныло сердце, и он снова подумал о том, что ничего уже не исправишь. Была бы Кнопка – было бы проще, не было бы никаких проблем, только Кнопки нет, вообще уже не существует в природе...

Шум поезда привычно звучал далеким эхом. Еще тысячи ничем не связанных мыслей пронеслись в голове прежде, чем он услышал ее голос:

– У меня сломался каблук.

Так вот в чем дело... Оказывается, существуют еще на свете простые вещи, которые все объясняют. Вот почему она держит туфлю в руках. Только ему уж точно нет до этого никакого дела. У него – семья, огород, урожай...

– Я вам очень сочувствую, – услышал он свой голос и почувствовал, что ноги наконец оторвались от земли. Сделал шаг, другой, оставляя позади – волосы, белые, как лен, что-то недосказанное во взгляде голубых глаз – все то, что было совершенно ни к чему. Совсем не то, совсем не нужно.

– Подождите.

Голос из-за спины заставил его обернуться. Сердце сжалось в тоскливом предчувствии. У него что, на лбу написано – экстренная психологическая помощь? Или она вообразила, что только у нее одной на душе может быть хреново?

– Ну что еще, – хмуро бросил он, стоя вполоборота.

– Говорю же вам, у меня каблук сломался.

Она свои глаза, интересно, хоть раз в зеркале видела? Если бы видела, догадалась бы, наверное, что эта святая простота никак со всем остальным не вяжется. С глазами по крайней мере. Снова, как всегда, вспомнилась Кнопка – как с ней было просто, никаких тебе недосказанных фраз и полунамеков.

– Девушка, я вам очень сочувствую. Но помочь, к сожалению, ничем не могу. Обратитесь в мастерскую.

«Нахамил? – подумал Сергей, прислушиваясь к собственным ощущениям. – Нахамил, кажется. Сразу заметно: – сдвинула брови, заморгала ресницами. Ресницами, мягко сказано – ресницащами, вот так будет точнее. Интересно, она их специальными удобрениями подкармливала, как помидоры на грядке, чтобы они такие длинные вымахали, или это от рождения? Ох уж эти грядки помидорные...» Только не на того напала – прошли уже те золотые деньки, когда он западал на женские ресницы. И не нужны ему эти отношения серьезные, которые она своим взглядом пытается ему навязать. Стоит, держит в руке туфлю и источает флюиды: я не такая, как все! Во мне скрыта тайна, загадка, ты будешь любить меня, ты захочешь остаться со мной – навсегда... Нет, не на того напала. Не будет он вешать на себя ее проблемы, и сломанный каблук в том числе. Свобода дороже, чем сто тысяч пар женских глаз. Пусть острижет свои ресницы.

– Послушайте, подождите, – произнесла она почти умоляюще. – Он совсем сломался, вот, видите?

Она продемонстрировала: каблук в одной руке, туфля – в другой. Ничего более убедительного в жизни видеть не приходилось.

– Вижу, – констатировал он со вздохом.

– Может быть, поможете мне дойти хотя бы до остановки?

– Помогу, – ответил он без эмоций и протянул руку.

Подумал: черт с тобой, доведу тебя до остановки, посажу в такси, даже расплачусь за это такси, лишь бы поскорее ты исчезла из поля зрения. Ушла из моей жизни – только кто сказал, что она успела уже в нее войти? Глупость какая, он даже имени ее не знает.

– Вас как зовут? – спросил кто-то вместо него. Он-то уж точно не мог этого спросить, ему это совсем ни к чему было, неинтересно. И непонятно вообще, откуда взялся этот голос, кому он принадлежал, потому что, кроме них двоих, поблизости никого не было.

– Света, – ответила она. – А вас?

– Сергей.

Он согнул руку в локте, представив себя со стороны и мысленно усмехнувшись – в самом деле, видел бы его сейчас кто-нибудь из приятелей! Этаким импозантный кавалер, степенно ведущий по улице прихрамывающую даму. Никаких тебе иллюзий – эта девица не из тех, которые запросто согласятся пойти «посмотреть какой-нибудь фильм» на съемную квартиру к приятелю. Не из тех и не из этих... Видно по глазам. Только что же это может быть такое, что так сильно зацепило его в этом взгляде голубых глаз, обрамленных длинными ресницами?

«Ведь это, дорогой мой, стандартно, – усмехнулся он мысленно. – Слишком стандартно – голубые глаза, обрамленные длинными ресницами. Бархатными, как обычно говорят в таких случаях. Кукла Барби, каких полным-полно в магазинах. Что за глупость – пытаться разглядеть вечность в глазах куклы Барби? С каких это пор тебя потянуло на шаблоны? Стареешь, приятель!»

Что-то было в ее глазах. И совсем не потому, что они большие и голубые, и ресницы эти бархатные совсем ни при чем. Оно, это что-то, было внутри, а в глазах только отражалось, как в зеркале. Душа, промелькнуло избитое сравнение – глаза ведь, говорят, зеркало души. И именно поэтому – как раз поэтому не стоило, не стоило начинать все это, останавливаться, вступать в разговор, спрашивать имя. Нужно было бежать – просто бежать не оглядываясь. Наверное, только так можно было спастись.

Она шла рядом и молчала почему-то. Хотя, по идее, должна была бы щебетать ему о том, какого скверного качества обувь продается в магазинах, о том, сколько денег она отвалила на прошлой еще неделе за эти бархатные туфельки, и вот теперь во что они превратились. О правах потребителя, о погоде, черт возьми, но почему-то она молчала, молчала так, как будто они знали друг друга сто лет, и им должно было, быть уютно в этом молчании. Сказала что-нибудь, что за игры такие дурацкие, кем она вообще себя вообразила? Банальный, ни к чему не обязывающий разговор был необходим, как воздух, он это чувствовал и выдохнул наконец:

- Как же это вы так умудрились каблук сломать?
- Не знаю, – ответила она, – сама не поняла.
- И часто с вами такое случается? – не отступал он.
- Никогда раньше не случалось. В первый раз.

Он даже остановился на мгновение. Глотнул воздуха побольше – черт, что она себе позволяет! Что за идиотские двусмысленные фразы – никогда раньше, в первый раз. В глаза не смотрит, и это тоже, наверное, тактический ход, чтобы загадка была настоящей загадкой, чтобы пришлось поломать над ней голову по-настоящему. Никогда раньше. В первый раз. И думай теперь, ломай голову – о чем это она вообще? И он не выдержал:

– Послушайте, Света. Вечер такой замечательный, вы не находите? Давайте проведем его вместе!

– Вместе? – Она подняла на него глаза.

– Ну да, вместе. На квартире у моего приятеля, один мой приятель снимает очень уютную квартиру, здесь неподалеку, мы все туда по очереди ходим с девушками. Я уверен, вам понравится.

– Почему вы в этом уверены?

– Ну, знаете, никто еще не жаловался. Все обычно довольны, всем нравится... Возьмем бутылочку вина или водки, если хотите, выпьем... Как вам мое предложение?

Он даже вздохнул облегченно – гора с плеч свалилась. Вот сейчас, сейчас уже она сделает обиженное лицо, скажет – я не такая, пошлет его к черту и зашагает себе прочь, гордо припадая на правую ногу. Она из таких. Она такая, он выбрал верный ход. Ну же давай, что ты молчишь?

Она молчала. «Добить», – подумал он и добил:

– Да вы не думайте, это не займет много времени. Через час, максимум полтора дома будете. И вообще, давай на ты?

Она молчала. Как в рот воды набрала. Это было просто невыносимо, Господи, что же он должен еще сказать? Может, предложить ей групповой секс, пообещав прибытие на квартиру ещё парочки извращенцев? Неужели недостаточно всех тех гадостей, которые уже прозвучали? О чем она еще думает, в чем сомневается? Давно пора бы – размахнуться, хлестануть его по морде и зашагать гордо, припадая...

– В принципе я свободна, – донеслось до него как гром среди ясного неба. – Располагаю своим временем, как хочу. Если ты серьезно приглашаешь...

Куда уж серьезнее, подумал он. Ничего более серьезного он в своей жизни еще никому не предлагал, теперь остается только последняя инстанция – рука и сердце.

– А замуж за меня пойдешь? – поинтересовался он, пытаясь изобразить на лице улыбку полного идиота. Ну что ей еще нужно? Наглый, высокомерный, подлец, подонок практически – гони же прочь, что ты молчишь и хлопаешь своими ресницами?

– Я подумаю.

Она улыбнулась, из чего Сергей сделал вывод, что вся его отчаянная маскировка провалилась к черту. Или она его раскусила, или ей было по барабану его внутреннее содержание, и она просто запала, как это случается часто с девушками юного возраста, на его смазливую физиономию. Не надо было вообще с утра бриться, может, был бы хоть чуточку пострашнее. Только ерунда все это, вообще не версия. Она не глупа, не легковерна и не похотлива и совсем не юного уже возраста, не про нее все это. Напротив, серьезная и легко ранимая, очень легко ранимая, и нужно было в самом деле родиться на свет законченным подлецом, чтобы выплескивать на такую вот девушку целый ушат помоев, что он только что и сделал своими собственными руками.

Захотелось вдруг прикоснуться к ее щеке и сказать тихо: «Прости, я не хотел. Я просто испугался. Я вообще не готов – к такому» Захотелось прижать к себе и спасти от чего-то неминуемого и страшного, что непременно обрушится, непременно случится с ней, если только он вовремя не вмешается. Прижать к себе и не отпускать уже никогда... Никогда, никогда еще с ним такого не случилось.

– Извините, – пробормотал он, снова почему-то, начав обращаться к ней на вы.

Она как будто и не заметила перемены в нем. Перемены, однозначно сигнализирующей о том, что он сдался почти окончательно. А может быть, сделала вид, что не заметила.

– Ну, так мы идем?

Ему просто было нечего сказать. Идем куда? В старую однокомнатную хрущевку, в которой кроме обшарпанной тахты, застеленной бельем многоразового использования, холодильника и стола на трех ножках, нет ничего? В эту конуру, в которой перебивалась, наверное, добрая половина девиц города Саратова, отличающихся легким и не слишком легким поведением? Туда – с ней? Она что, с ума сошла, что ли? Или, может быть, к нему домой, к родителям? И что? «Здравствуй, мама, здравствуй, папа, здравствуйте, родители, это Света, моя судьба, я влюбился в нее с первого взгляда и полчаса назад предложил ей стать моей женой, она обещала подумать?»

– Эй, Сережа, – она смеялась, – ты где?

– Я здесь, ответил он хмуро. – Может быть, мы не пойдем туда, а просто прогуляемся?

Она улыбалась – так и светила вся изнутри. Показала ему каблук, зажатый в правой руке.

Да уж, вот это глупость он сморозил. Очередную, не первую и даже не третью за такой короткий промежуток времени. Тогда надо ее посадить в такси и попрощаться? Оставить номер телефона? А если она не позвонит? Взять у нее номер – а если у нее нет телефона? Посадить в такси, попрощаться и больше не увидеть никогда? Самое правильное, самое справедливое решение. Только, кажется, теперь он уже на это не способен.

Он объяснит ей все по дороге. Скажет, что квартиру снимает один его приятель, бедный студент, у которого просто нет средств на покупку мебели и ремонт. Постарается говорить убедительно – она поверит, должна поверить. Но слова почему-то не слушались языка, мысли путались, сбивая друг друга, как пассажиры тонущего корабля или самолета; терпящего аварию. Это называется – паника.

Она продолжала идти рядом, прихрамывая на правую ногу, придерживаясь за его локоть. Место, где примостилась ее рука, стало уже теплым. Оставалось пройти один квартал повернуть за угол и неужели? Нет, представить себе такое было невозможно. Он уже всерьез собирался предложить ей зайти в обувной магазин. Купить ей другие туфли, пусть самые дорогие на свете, не важно, только бы предотвратить эту катастрофу. Катастрофу, ничего другого и быть не может, потому что как только она зайдет туда, как только она увидит и все поймет, наконец...

Они как раз проходили мимо обувного магазина. Только трехсот рублей с мелочью, оставшихся после полочки, едва ли хватит на покупку даже тапочек. Обувной магазин остался позади; теперь уже от старой хрущевки, в которой и находилась «хаза», их отделяло одно лишь здание Сбербанка. «Ограбить банк, купить туфли, – усмехнулся он. – Ни денег у тебя, ни пистолета. Не твой сегодня день, Серега».

Она все молчала. Это странное ее молчание, молчание старой знакомой, которой не нужно заставлять себя говорить о чем-то только ради поддержания разговора, почему-то не отталкивало, а еще больше притягивало его.

– Вот мы и пришли, Света. Это здесь. Ты не передумала?

Она одарила его слегка удивленным взглядом – с чего бы это ей передумать? Ключи лежали в кармане. Можно было еще сказать, что он потерял или забыл ключи, только ведь в таком случае им придется расстаться, он посадит ее в тачку и дальше будет полная неизвестность. Он снова, на этот раз более отчетливо и пронзительно как-то почувствовал, что боится ее потерять,

– Ну, проходи тогда. Ты только извини, здесь не слишком... Мой приятель, он, знаешь, не очень-то... Все, что он смог сказать. Неубедительно и невнятно. Она сбросила туфли, прошла в комнату впереди него. Он зажмурился.

– Твой приятель увлекается балетом?

Он даже не знал, что сказать в ответ. Заметил, наконец, фотографию Анастасии Волочковой, прикрепленную к стене канцелярскими кнопками. Вспомнил – да, есть один такой приятель, который несколько дней назад прилепил к стене этот постер. Только он даже имени этой балерины не знает, ему просто ее ноги понравились, вот и прилепил. Что тут ответишь?

– Увлекается, – выдал он единственно возможный вариант ответа. – Не слишком, но... Есть немного.

– Понятно, – ответила она, окидывая взглядом пространство.

– Да ты присаживайся, – предложил он, уже позже осознав очевидное: присаживаться было негде. Только скрипучая тахта, на которую слишком небрежно было накинута какое-то древнее покрывало, синее в цветочек. Из-под покрывала выглядывал краешек смятой простыни.

– Сейчас, подожди. – Сергей быстрым шагом пересек комнату и попытался расправить покрывало, потянул его на один угол – сразу оголился другой, потянул в другую сторону – обнажилась противоположная...

– Дай-ка, – услышал он ее голос. Она отстранила его, расправила покрывало – оно тотчас же послушно выровнялось, полностью прикрыв «срамные места».

– Надо же, как ловко у тебя получается.

Она обернулась, посмотрела на него пристально. И вдруг улыбнулась – так просто, так открыто, и он, наконец почувствовал, что больше не стоит ни о чем переживать, и рассмеялся вместе с ней.

– Ты прости, что я тебя сюда привел. Сама видишь, что это за квартира и какое у нее назначение.

– Чисто техническое, насколько я понимаю, – ответила она, продолжая смеяться. Вся комната будто бы озарилась искрами ее смеха, и Сергей подумал: как же ей подходит это имя – Света... Для чего оно, это глупое мертвое солнце, когда есть на земле такая девушка Света?

– Тебе очень подходит твое имя, знаешь. – Он как-то резко оборвал свой смех и смотрел теперь на нее задумчиво.

Она кивнула в ответ и опустила глаза. Улыбка медленно растаяла на лице.

Некоторое время они так и продолжали стоять друг против друга, замерев в наступившей тишине, поглотившей все посторонние звуки, – шум за окном, тиканье будильника, отсчитывающего минуты на полу возле кровати. Ему захотелось взять ее за руку, прикоснуться губами

к коже – удивительное, почти забытое ощущение, когда девушка вызывает в душе одну только бескрайнюю нежность, неподвластную грубым позывам плоти.

– Да, местечко для избранных, скажем так. – Она снова тихо улыбнулась. – А здесь, случайно, не найдется пары женских туфель?

– Женских туфель? Боюсь, что туфель не найдется...

Он знал почти наверняка: в ванной можно обнаружить массу предметов женского туалета, шпильки и расчески, забытые помады и полотенца, даже нижнее белье, если постараться, можно найти. Но вот без туфель отсюда, кажется, еще ни одна не уходила.

– Что ж, тогда попробуем решить проблему другим способом. Я сейчас позвоню подруге и попрошу ее привезти мне туфли. Есть у меня одна подруга, которая живет здесь неподалеку. А пока мы с тобой будем пить чай. Есть здесь чай?

– Чай, – пролепетал он. – Насчет чая не уверен, а кофе наверняка найдется.

– Кофе я не пью. – Она вздохнула. – Мне не нравится его вкус. Кроме горечи, не чувствую ничего.

– В принципе чай – не проблема, – осенило его внезапно. – Здесь неподалеку продуктовый магазин. Если ты согласишься меня подождать, я сбегаю. Пять минут – туда и обратно.

– Конечно. – Она снова улыбнулась, кивнула. Он уже завязывал шнурки на ботинках.

– Сережа, а где здесь телефон? Мне же позвонить нужно, – напомнила она.

– Телефон на кухне. Только ты, знаешь, не обращай внимания...

– Это я уже поняла. Можешь не беспокоиться. Я заодно чайник поставлю... Кстати, ты какой чай предпочитаешь?

– Я? Не знаю, мне без разницы...

– Тогда купи фруктовый. Я больше всего люблю чай со вкусом апельсина.

– Чай со вкусом апельсина, – пробормотал он. – Да, конечно. Со вкусом апельсина...

Он выскочил из подъезда и помчался почти бегом в сторону продуктового мини-маркета, отметив про себя, что в первый раз в жизни собирается покупать чай в этом магазине. Не вино, не закуску к спиртному, как это было всегда. И вообще кажется, это первая девушка в его жизни, с которой он собирается пить чай. Просто пить чай, и при этом чувствует себя на самом вершине блаженства... Внутренние «тормоза» уже не срабатывали. Впрочем, он знал, что никакие тормоза уже не помогут. Наверное, так всегда бывает, когда случается с человеком – любовь...

«Стоп, что за ерунду ты городишь, – остановил он себя. – Что за чушь ты несешь, парень, тебе ведь уже не пятнадцать лет. И даже не двадцать. Это не первая девушка в твоей жизни, не десятая и, вероятно, даже не двадцатая. Тогда отчего же?»

Он не мог объяснить себе, отчего все это. Отчего стучит сердце, откуда эта дикая злость на ни в чем не виноватую продавщицу мини-маркета, которая утверждает, что чая с ароматом апельсина у нее нет? Почему он не идет спокойно по улице, а почти бежит, с трудом сдерживая себя, чтобы не пуститься галопом. Откуда эта детская радость при виде дурацкого чая со вкусом апельсина, найденного наконец в третьем по счету магазине? Кажется, он в жизни не испытывал подобного прилива положительных эмоций от покупки простого чая...

Так и не ответив ни на один из поставленных вопросов, он решил отложить разбирательство на более позднее и более подходящее время. Вернулся, взлетел по лестнице, нажал на кнопку звонка.

– Это я, Света!

Она почему-то не открывала.

«Наверное, по телефону разговаривает, не слышит», – подумал он как-то неуверенно. Достал из кармана ключ, открыл дверь, вошел и окликнул ее:

– Света!

Она почему-то не отзывалась.

И туфли ее исчезли. Испарились куда-то.

– Света! – снова окликнул он, все еще надеясь, что она, может быть, всего лишь решила над ним подшутить. Зашел в комнату – ее там не было. В кухне тоже не было. Нигде не было...

Он бросился почему-то к окну, на секунду даже поверив в то, что она улетела. Черт возьми, может быть, она и правда умеет летать? «Идиот, – сразу же осадил себя. – Она просто вышла. Через дверь. Обычным способом...» Только почему?

Он сидел на кухне и долго смотрел на упаковку с чаем, зачем-то бесконечно читая все то, что было на ней написано: «Элитный сорт...»

– Элитный сорт, – повторил он вслух. – Только теперь это уже не имеет никакого значения.

На душе было отчаянно грустно.

«К берегам твоей любви я обязательно причаляю!» – раздавался с экрана голос певицы, имени которой Павел не знал.

Он вообще никогда не интересовался всеми этими бесконечными певицами, плодящимися на эстраде, как кролики. А теперь вот слушал. Слушал эту глупейшую песню и даже подпевал. Не вслух, конечно, – наверное, это была бы уже самая последняя стадия. Пела душа...

Поглупевшая душа. Душа, одуревшая от счастья. Душа, поверившая в то, что даже в сорок девять лет она еще способна на такое – запеть. И запела...

– Паша, ты что там смотришь? – послышался из соседней комнаты голос жены.

– Я...

Он вовремя спохватился, подумав вдруг, что для Риты его признание в том, что он смотрит «Фабрику звезд», было бы, наверное, равносильно признанию во всем остальном. В том, что случилось...

«А ведь придется, рано или поздно – все равно придется», – кольнуло где-то глубоко, на самом дне души, внезапно прекратившей мурлыкать слащавый мотивчик. Но это – потом. Не сейчас. Сейчас еще рано. Слишком еще все неопределенно, зыбко. Неустойчиво, как карточный домик...

– Пытаюсь понять, – ответил он наконец. – Правду ли говорят, что на отпрысках гениев природа отдыхает.

– По-моему, это совершенно очевидно. И необязательно было устраивать для доказательства столь банальной истины такое грандиозное шоу – спокойно заметила Рита и добавила как бы между прочим: – Кстати, ты занимаешься этим уже без малого час...

Она вышла из спальни и остановилась в проеме двери.

Высокая, удивительно стройная для своего возраста. Почти молодая.

«Молодящаяся», – ухнуло где-то внутри. Так что с того, возразил он беспомощно и продолжал разглядывать Риту.

У нее были каштановые волосы. Как и тогда, почти тридцать лет назад. Когда он увидел эти волосы впервые, сразу понял, что хочет разделить с ней, с этой удивительной девушкой, всю свою жизнь. Хочет просыпаться по утрам и видеть ее. Засыпать, чувствуя рядом ее теплое дыхание. Хочет приносить ей завтрак в постель, когда она заболит. Дарить цветы, носить на руках...

Собственно, она почти не изменилась. Те же густые каштановые волосы. Хотя теперь ей приходится закрашивать белые прядки, оказавшиеся самыми нестойкими в борьбе с беспощадным временем. Что с того? Ведь цвет волос остался прежним, можно и не вспоминать, не думать о краске. И кожа прекрасно сохранилась. Тот же матовый, безупречно ровный оттенок. Ни капли тонального крема – ни тогда, ни сейчас. И улыбка та же...

– Чему ты так загадочно улыбаешься?

– Не знаю, – она пожала плечами, – ты выглядишь немного забавно. В этой футболке...

– Почему я выгляжу забавно в футболке, которую носил два года и никогда не выглядел в ней забавно?

– Наверное, потому, что впервые за два года ты надел ее наизнанку...

– Черт, – выругался он. – И правда... Бить будешь?

Она что-то отвечала, тихо улыбаясь. Он почти не слышал. «Вот ведь, – пронеслось в голове. – Совсем дошел, старый маразматик. Окончательно свихнулся. Завтра, пожалуй, забудешь надеть ботинки и пойдешь на работу в носках. И будешь снова выглядеть забавно. Очень, очень забавно...»

Он передел футболку. Внимательный и слишком придирчивый в последнее время взгляд успел отметить вялость и зарождающуюся дряблость кожи. Намечающееся брюшко, которое даже просторная одежда скрывала уже не слишком успешно. Он иногда задумывался о том, как несправедливо всё устроено в жизни. Почему тело стареет так скоропостижно, что душа не успевает за ним? Или отчего душа стареет так медленно?

«Нет, – усмехнулся он, – ошибаешься, Павел Алексеевич. У тебя просто крыша поехала, а тело и душа – с ними все в порядке. Крыша – это нечто другое, существующее отдельно от души и тела...»

Рита подошла, опустилась рядом на диван. Некоторое время молча смотрела в телевизор – видимо, чисто механически, почти не замечая мелькающих перед глазами лиц и улыбок.

– Спать не собираешься? – наконец спросила она, слегка прикоснувшись кончиками пальцев к его ладони. Знакомое, родное прикосновение, от которого раньше так часто замирало сердце. Раньше...

– Нет, все равно не засну так рано. Бокс еще посмотрю...

– Бокс только через час начнется.

– Ничего страшного. Газету полистаю.

– Как хочешь.

Она поднялась и медленно вышла из комнаты.

Он услышал, как зашумела вода в ванной, и снова подумал о том, что когда-то эти звуки были для него призывными. Когда-то сердце замирало, падало в пропасть – он представлял себе ее прохладную, свежую, влажную кожу и не мог дожидаться, когда же наконец сможет к ней прикоснуться. Теперь же...

«Это нормально, – убеждал он себя. – Нормальная ситуация для людей, проживших двадцать семь лет в браке. Ты ведь знаешь, это у всех. А у многих наступило раньше, гораздо раньше...»

И все же было жалко Риту. Безумно жалко стареющую Риту, верную Риту, красивую, умную, мудрую Риту. Риту, которая каждый раз – он это знал! – ждала его в спальне и надеялась почувствовать себя желанной, как прежде. Пусть не каждую ночь, но хотя бы раз в неделю... Вот уже почти два месяца – напрасно. Но он ничего не мог с собой поделать. Это было выше его сил. Это казалось ему диким: закрыв глаза, целовать Риту и представлять себе ту, другую. Ту, которую он до сих пор так и не познал. Но о которой думал дни и ночи. Валерию...

И снова закружилось перед глазами, едва только он произнес мысленно ее имя и поставил себе волосы, глаза, тонкие пальцы, детские губы.

Девочка, перевернувшая всю его жизнь. Совсем еще девочка, почти ровесница его сына... Студентка. Может ли в жизни быть что-либо более тривиальное, чем преподаватель, влюбленный в студентку? И может ли быть в жизни что-либо более безнадежное и более жалкое? «Зачем все это, – в который раз спросил он себя. – Для чего, ведь у тебя есть жена. Прекрасная, замечательная жена. У тебя есть Рита...»

Рита пока еще не знает, в чем дело. Рита думает, что у него обычные, характерные для возраста и уже намечавшиеся раньше проблемы с потенцией. Но рано или поздно Рита догадается. Его жена слишком хорошо его знает, чтобы поверить в эту чепуху. Она догадается. А

если и не догадается – ему все равно придется рассказать ей об этом. Самому. Несколько часов назад он обещал Валерии, что сделает это. И что же будет тогда?

Ему не хотелось об этом думать. Он просто знал, что не хочет терять Риту. Но ту, другую, он тоже не хочет терять. Ни за что в жизни не хочет. Слишком мучительно делать этот выбор. Но увы, придется... Потому что этого хочет она. Валерия...

Он не ожидал, что с ним может такое произойти. За двадцать с лишним лет работы в университете у Павла не случилось ни одного романа, хотя он всегда был ярким, интересным мужчиной и пользовался у женщин большим успехом. У него была масса приключений, он даже чуть было не женился однажды по глупости. Но все приключения остались в прошлом, когда в его жизни появилась Рита.

Рита – отчаянная и дерзкая девчонка, которой тридцать лет назад взбрело в голову продемонстрировать ему, что такое настоящая смелость. Павел тогда отдыхал на пляже вместе с Костиком, давним своим приятелем. Позже, вспоминая этот пляж, он всегда смеялся; в самом деле, трудно было бы даже представить себе более неподходящее место для столь романтической встречи. Грязный песок, там и тут валяющиеся пивные бутылки, пачки из-под сигарет и еще бог знает что. Обычный заброшенный пляж, каких по берегу Волги не счесть. Просто этот пляж находился неподалеку от дома, поэтому он и отдыхал там каждое лето.

То лето оказалось особенным, счастливым. Незнакомая еще Рита лежала неподалеку и читала какую-то книгу. Волосы были спрятаны под косынкой, на глазах – темные очки. В остальном – ничего особенного, поэтому Павел не обратил на нее никакого внимания. Лежит себе девчонка неподалеку, читает. Пусть себе читает, кому какое дело...

С Костиком у них тогда завязался спор – сможет или не сможет Пашка, три года не слишком успешно занимавшийся в секции плавания, переплыть Волгу. Доплыть до противоположного берега, который находился на расстоянии около трех километров. Волга в том месте была широкая, но Павел прикинул и подумал, что, пожалуй, сможет. Сделали ставку – ящик пива, и он зашел уже в воду почти по колено, посмотрел вдаль и вдруг испугался. А что, если сведет судорогой ногу? Ведь такое с ним случилось однажды, и тогда он с большим трудом дотянул до берега. Но в тот раз ему пришлось проплыть метров двадцать, а не три километра...

«Глупо, – подумал он, – абсолютно глупо рисковать собственной жизнью из-за ящика пива». Постоял еще немного возле воды и вернулся к Костику. Махнул рукой:

– Черт с твоим пивом.

И в этот момент вдруг увидел, что на него смотрит, лукаво прищурившись, девушка. Та самая, с книжкой. Только теперь она сняла темные очки и косынку с головы.

Под очками оказались глаза – две темные вишни, под косынкой – волосы, которые вообще ни с чем сравнить было невозможно. «Черт, какая красивая», – подумал он и тут же устыдился своей трусости. Наверняка ведь она слышала, о чем они спорили. И вот теперь, видимо, смеется над ним, иначе как объяснить этот взгляд, заставляющий его краснеть? Он чувствовал, что краснеет, и готов был сквозь землю провалиться.

– Да, не слишком смелый в наше время сильный пол, – пропела она насмешливо и продолжала смотреть на него, не отводя взгляда.

Первым отреагировал Костик. Вступился за приятеля, только весьма странным образом:

– Сама попробуй, если такая смелая.

– И попробую, – ответила она, даже не удостоив своего обидчика взглядом. Взгляд ее почему-то был прикован к Пашке.

– Эй, ты куда? – изумился Костик, когда насмешливая девушка отложила в сторону свою книжку, поднялась и пошла к берегу.

Она только тряхнула в ответ волосами, разбрызгав по всему пляжу отраженный в них солнечный свет. Зашла в воду по колено, по пояс...

– Чокнутая какая-то. Неужели правда поплывет?

И она поплыла. Нырнула под воду, долго не показывалась, а потом всплыла уже достаточно далеко. И продолжала плыть, а Павел смотрел на нее и все никак не мог понять, что произошло.

– Поплыла, смотри! – Голос Костика стряхнул оцепенение. – У каждого, как говорится, свои странности... Ну и черт с ней. Попутного ветра, как говорится...

– Она же утонуть может! Ты понимаешь или нет?

– А ты чего так взбеленился? – усмехнулся в ответ на реплику Пашки приятель. – Мы-то здесь при чем?

Он и сам не знал, что ответить. Только чувствовал тревогу в душе и страх за эту отчаянную девушку с бронзовыми волосами.

Люди на пляже не обращали никакого внимания на то, что происходит. Каждый был занят своим делом. Кто-то, лениво поскрипывая карандашом по бумаге, разгадывал кроссворд. Небольшая компания парней и девушек неподалеку резалась в «дурака». Пожилая женщина читала «Правду». И даже Костик, который к возникшей ситуации имел самое непосредственное отношение, равнодушно развернул «Огонек» и принялся шелестеть страницами... Никому не было дела до девушки, которая уплывала все дальше и дальше.

И только Павел стоял как соляной столб и все смотрел вдаль, на удаляющуюся девушку, которая теперь уже превратилась в едва различимую на поверхности воды точку. «Сумасшедшая, – без конца повторял он про себя, – сумасшедшая, она же утонет!»

Уже невозможно было стоять и смотреть на это. И он пошел к воде, с каждым шагом все быстрее и быстрее, прищуриваясь от слепящих лучей солнца и стараясь не потерять ее из виду.

– Эй, Пашка, ты куда? – встрепенулся приятель.

Павел ничего не ответил. Он уже плыл – вперед, за ней, теперь уже абсолютно уверенный в том, что не утонет. Просто потому, что он уже не может позволить себе такой роскоши – утонуть, оставив ее одну в этом без граничном водном пространстве, наедине с волнами и едва различимым где-то вдалеке горизонтом.

– Пашка! – орал с берега Костик. – Пашка, вернись!

Он еще долго слышал голос приятеля. А потом не осталось ничего, кроме плеска волн, едва различимого где-то вдалеке крика птиц и шума собственного дыхания. Вдох-выдох, вдох-выдох...

Сначала ему казалось, что доплыть до противоположного берега будет не так уж и трудно. Мышцы быстро вспомнили почти забытую технику плавания, и он почувствовал, что сможет экономить силы. Но вот со скоростью были проблемы. Он понял почти сразу, что не сможет ее догнать. И если у нее кончатся силы – это еще вопрос, успеет ли он вовремя, чтобы помочь. И хватит ли его на то, чтобы помочь ей...

Он старался не терять ее из виду. Вскоре, к своему удивлению, понял, что девушка плывет значительно быстрее его. Что скорость их практически несопоставима. Но это и успокоило его – здесь определенно чувствовалась профессиональная подготовка. Значит, никакая она не сумасшедшая, а просто спортсменка-феминистка, решившая поставить на место двух зарвавшихся парней. Значит, это еще вопрос кто из них не доплывет...

Доплыли оба. Рита, оказавшись, наконец на берегу, почти сплошь покрытом камышовыми зарослями, упала навзничь возле самой воды. Сквозь шум собственного дыхания не смогла расслышать приближения человека, а поэтому очень сильно испугалась, подскочила даже на месте, когда услышала вдруг у себя за спиной его голос:

– Ну ты даешь... Вот это скорость!

Выдохнув из себя эти несколько слов, он свалился рядом с ней, ощущая блаженную расслабленность тела, голове шумело. Он не видел ее глаза, но чувствовал, смотрит она на него с восхищением. И сердце замирала теперь уже не от страха, а от восторга. От радости, счастья...

Почти два часа они просидели в тот день на камышовом берегу. Разговаривали и почему-то смеялись без конца. Такое складывалось ощущение, что они уже сто лет друг друга знают. Павел начинал о чем-то говорить, подхватывала. Потом за ними приехала лодка береговой охраны: Костик, не выдержав долгого ожидания, вызвал так команду спасателей. Павел и Рита сидели в тесной лодке, прижавшись, друг к другу...

В тот вечер он проводил Риту до дома. Долго стояли они возле Ритиногo подъезда, он сжимал ее руки своих, но поцеловать так и не решился. Впервые с ним такое случилось – обычно с девушками он не слишком церемонился, чувствовал себя уверенно, и эта внутренняя уверенность, уверенность хозяина, исходившая от Павла многих к нему и притягивала. С Ритой все было по-другому.

С тех пор они уже не расставались. Спустя год поженились, потом родился сын... «Все как у всех», думал иногда Павел, но сразу же мысленно возражал самому себе: нет, не как у всех. У них с Ритой не так. Потому что у них с Ритой – любовь настоящая, долгая, единственная... Никто и никогда не будет ему нужен, кроме Риты.

Приятелям смотрели на него с усмешкой, когда речь заходила об обычных мужских развлечениях, в которых Павел никогда не принимал участия. Рестораны, дачи, шашлыки, девочки. Романы, интрижки... Ему всегда гораздо интереснее было прогуляться с Ритой по городу или банально посидеть вместе и посмотреть телевизор. Поговорить с Ритой или просто помолчать рядом с Ритой.

Все эти долгие годы он был ей верен. И никогда не думал, что в сорок девять лет...

Впрочем, остался верен Рите и до сих пор.

Если, конечно, духовную измену не считать за измену. Если не иметь ввиду то, что все его мысли, все его чувства, все желания – всю его душу заполонила собой она. Валерия...

– Спокойной ночи, – услышал он где-то издали.

Рита стояла рядом. Наверное, давно уже стояла рядом и смотрела на него. И может быть, не в первый раз желала ему спокойной ночи...

Он поднялся, притянул жену к себе, прикоснулся сомкнутыми губами к прохладной щеке.

– Я думал о тебе, – честно сказал он. – Кстати, двенадцатый час! Где шляется наш оболтус?

– Это очень хорошо, – ответила она невпопад, как ему показалось.

– Что – хорошо?

– Что ты думал обо мне. А наш оболтус, насколько мне не изменяет память, обычно возвращается в первом часу ночи. Так что скоро придет, не переживай.

– Будем надеяться. Кстати, он завтра едет с нами?

– На дачу? Ты ведь знаешь, он никогда не относился к помидорным грядкам с большим энтузиазмом. Это мы, старики, без грядок не можем...

– Ты – не старик. Ты прекрасная, молодая женщина, – искренне возразил он. – Не говори глупостей.

– Прекрасно сохранившаяся, ты хотел сказать. Не молодая, а молодящаяся. Это почти то же самое, что и старик.

Он рассмеялся в ответ. Она была упряма и непоколебима. Она всегда была такой – ее невозможно было переспорить, невозможно ни в чем переубедить. При этом свою правоту Рита доказывала со столь очаровательной детской серьезностью, что даже самые неубедительные и абсурдные аргументы выглядели в ее изложении непреложными истинами. Вот как сейчас.

– Спокойной ночи, Рита.

Он снова притянул ее к себе, почувствовал запах волос, смешавшийся тут же с собственной тоской почему-то иному, и с досадой подумал о том, что теперь у него не запах волос Риты всегда будет ассоциироваться с чувством непроглядной тоски. Тоски по чему-то иному...

И снова – в сотый, в тысячный раз за вечер – он мысленно произнес ее имя: «Валерия». И закрыл глаза, представляя себе ее лицо. Сосредоточился, захотел вдруг сию же минуту услышать ее голос, ее смех, услышал, потому что память хранила эти сокровища! очень трепетно. Она, как заботливая хозяйка, ухаживала за ними, не позволяя им никогда потускнеть, померкнуть.

Всегда, в любую минуту, он мог слышать голос Валерии. Даже во сне. Но от этого на душе становилось еще тяжелее. Потому что тем отчетливее он осознавал, как не хватает ему этого смеха и этого голоса наяву. Каждый день, каждую минуту.

– Только, ради Бога, не включай телевизор слишком громко. Я не выношу этот твой бокс, – снова донесся до чего голос из настоящего. Голос Риты.

Он открыл глаза, успел поймать ее печальную улыбку. Потом она скрылась за дверью их общей спальни. И осталась там – одна.

И он тоже остался один. И снова Валерия возникла перед мысленным взором и заполонила собой все его мысли.

Из дневника Валерии

...Мой отец до сих пор жив.

И тем не менее он был первым близким человеком, чью смерть мне пришлось пережить.

Я помню его. Очень отчетливо, очень ярко. Несмотря на то что пыталась забыть все эти годы. Помню высокий лоб, жесткий подбородок, гриву рыжих кудрей, щетину на лице. Помню улыбку. Когда отец, улыбался, все вокруг освещалось этой улыбкой. Она источала какой-то удивительный, магический свет. В наше время это называется харизма. Тогда это называлось проще – обаяние.

Он часто подбрасывал меня на руках. Даже когда я уже была не очень маленькой, все равно его это забавляло – видеть свою Лерку, обожаемую Лерку – солнышко» как он меня всегда называл, среди облаков. Он подбрасывал меня, я смеялась, хоть и смущало иногда меня то что подол платья задирался слишком высоко и отец видит мои трусики. Я с раннего детства была очень стеснительной.

Я была счастлива, что у меня такой отец. Красивый, веселый, влюбленный в маму. Многие женщины завидовали ей, я это знала. И гордилась ими обоими – и мамой, и отцом...

Он умер, когда мне было девять лет.

Нет, сначала случилось еще кое-что. Сначала родилась Настя.

Мне не хочется сейчас писать о Насте... Я не готова еще к этому. Да и хронология тем самым нарушится, а мне бы этого не хотелось. Ведь Настина история случилась уже после того, как умер отец.

Мне было девять лет, когда это случилось. Я спала, внезапно сквозь сон услышала, как плачет мама. Я открыла глаза, прислушалась. Раньше мне никогда не доводилось слышать, как плачет мама. Я подумала: может быть, это плачет Настя? Но Настя была слишком маленькой, она не могла плакать вот так, по-взрослому.

Я вскочила и, путаясь в длинном подоле ночной рубашки, побежала в родительскую спальню. Там было, темно. Я приоткрыла дверь. Теперь мамыны всхлипывания слышались отчетливо.

– Мама, ты плачешь? – спросила я у нее.

– Лера? Это ты? Почему ты не спишь?

– Я проснулась, услышав, как ты плачешь. Что случилось, мама?

– Ничего. Ничего не случилось. Иди спать, доченька.

В темноте родительской спальни я видела силуэт матери – она лежала, полуобернувшись ко мне. Наверное, до той минуты, пока не появилась я, она просто лежала вниз лицом. Я тоже часто так ложилась, когда плакала.

Почему-то рядом с ней я не увидела отца. Я вспомнила, что накануне вечером он не пожелал мне спокойной ночи, потому что его просто не было дома в тот момент, когда я ложилась спать.

– А где же папа? – снова спросила я. Мама ничего не ответила и почему-то заплакала еще громче.

– Где папа? – повторила я свой вопрос, чувствуя первый раз в жизни, как сердце полностью заполонило отчаяние.

– Иди сюда, Лерочка. Иди ко мне, только ступай неслышно, чтобы не разбудить Настю. Знаешь, Настя очень чутко спит.

Я подошла и присела на краешек кровати рядом с плачущей мамой.

– Видишь ли, дочка. Ты уже большая... – Она прижала меня к себе и замолчала на некоторое время, а я вдруг подумала о том, что не хочу быть большой. Оказывается, нет ничего хорошего в том, что человек становится большим. Как же я раньше, глупая, этого не понимала. Ведь если бы я сейчас была маленькой – такой, как Настя, – мне не пришлось бы слышать всего того, о чем расскажет мама. – И ты должна знать правду. Твой папа больше не будет жить с нами.

Я сразу все поняла. Я на самом деле была уже большой и как-то быстро собрала воедино обрывки случайно услышанных прежде разговоров между матерью и отцом. Я сразу поняла, что наш папа теперь буде жить с другой женщиной.

– Как это? – спросила я, как будто была маленькой. Отчаянно пытаюсь снова стать маленькой, уменьшиться у мамы на глазах, чтобы она остановилась, не говорила, не заставляла слушать...

– Понимаешь, доченька, у него теперь другая семья... Он ушел от нас. Ушел жить к другой женщине.

Я знала, что мама не врет. И все же не хотела верить в то, что она говорит.

– Этого не может быть, – возразила я ей. – Папа не такой, он не мог нас бросить...

– Не плачь, Лерочка. В жизни всякое случается. И это – не самое страшное. Он по крайней мере не умер...

Мама что-то еще говорила. А я перестала уже слушать ее. Я внезапно совершенно отчетливо осознала: лучше бы – умер.

Было бы гораздо лучше для всех нас. Было бы правильнее. Было бы понятнее.

Было бы так: у меня больше нет папы, потому что его больше нет. А получилось: папа есть, и в то же время нет его.

Нет его больше у меня. Еще вчера был папа, а теперь нет...

– Мама, разве такое бывает? – спросила я.

– Бывает, Лерочка. И не такое еще бывает...

Она меня не поняла. Не поняла моего вопроса, совсем не об этом, и я вдруг почувствовала, что я старше. Что за эти несколько минут, проведенных в родительской спальне, я вдруг стала такой большой, такой взрослой, что даже мама оказалась в сравнении со мной маленькой...

Я стала старше собственной матери. Мой отец умер, еще не дожив до своей смерти. Оказывается, такое бывает...

Сергей открыл дверь ключами и вошел в темную прихожую. Не включая света, снял ботинки и прошел к себе. За стеной что-то неслышно бормотал телевизор. Прислушавшись, он понял: Оскар Де Ла Хойя снова пытается одолеть Феликса Штурма или еще кого-нибудь. Отец в последнее время не пропустил практически ни одного боя, хотя раньше подобного пристрастия к боксу за ним не замечалось. Мама, наверное, уже спала. На душе по-прежнему было тоскливо. Часы показывали начало первого. Он подумал о том, что у него есть шанс заснуть.

Заснуть – и это значит, по крайней мере восемь – десять часов не думать, не вспоминать, не тосковать и не ломать голову над вопросом: что это было? «Что это было?» – в который раз спросил он у себя. И, в который раз не смог ответить ничего определенного. Потому что не понимал.

Прежде всего, не понимал себя. Откуда эта тоска, откуда беспросветная уверенность в том, что в жизни уже больше не случится ничего хорошего и, кроме серых будней и болезней в старости, его больше и не ждет ничего? что жизнь свою он уже прожил, и прожил ее неправильно, разменял на пустяки, на мелочи. Целую жизнь – на жалкие часы сомнительных удовольствий. Но с другой стороны, разве он знал? Разве мог знать, разве мог вообще подумать о том, что когда-нибудь случится с ним такое? Что одна случайная встреча может перевернуть всю жизнь и заставить убедиться, что все прожитые годы были лишь прелюдией? Что все свои неполные двадцать восемь лет он жил только для того, чтобы дожидаться наконец этого дня и встретить ее...

Встретить – и сразу же потерять. Вот в чем было дело. Вот почему жизнь казалась прожитой напрасно. Потому что встретив, потерял... А если бы не потерял, если бы удалось им выпить на кухне по чашке чая со вкусом апельсина сейчас все было бы по-другому. Сейчас он, наверное, был бы счастлив... Как не был счастлив никогда.

И от этого в душе рождалась злость. Эмпирическое понятие счастья сейчас казалось для него почти материальным, и было обидно, что это физически осязаемое счастье отняли. Как кусок хлеба у голодного. Как глоток воды жаждущего. Как золотую монету у скупого...

Злость, обида, досада. Жалость к себе. Как в детстве, когда мама наказывала несправедливо или слишком строго. Не пускала гулять, заставляя сидеть за уроками. Не разрешала смотреть футбол, потому что он начинался слишком поздно, когда маленьким детям пора было спать. Но, с другой стороны, мама никогда не наказывала беспричинно. Мама всегда была справедлива. Но то была мама. А это – жизнь...

«Это – жизнь!» – усмехнулся он.

Жизнь не принимает претензий. Творит, что хочет, не задумываясь о последствиях. Что толку жаловаться, жалеть себя, уповать на справедливость? Никто еще не придумал кодекса правил, согласно которому должна поступать жизнь. Попробуй докажи ей, что она не права. Что можно было бы и немного бережнее обращаться с человеком...

«И все же почему? Почему она так странно исчезла, ничего не объяснив? Появилась – и исчезла сразу же как будто испугалась чего-то. Только вот чего?» размышлял он, чувствуя, что сейчас ему, как никогда, необходимо с кем-то поговорить. Рассказать о случившемся, выслушать слова сочувствия... И от этого он тоже злился. От того, что ощущал в себе эту недостойную мужчины, абсолютно женскую потребность – поговорить. Пожаловаться. И еще хуже становилось на душе, еще тоскливее...

«Была бы Кнопка – было бы проще», – в который раз подумал он. Да, с Кнопкой можно было разговаривать обо всем. Несмотря на то, что была она девчонкой, всегда могла выслушать и даже посоветовать что-нибудь дельное. Еще сильнее защемило на душе. Все-таки трудно, почти невозможно бывает смириться с мыслью о том, что человека, который так долго был рядом, больше нет. Вообще нет на этой земле, нет в этом мире. Наверное, до конца он так и не сможет никогда поверить в это. Так и будет в глубине души надеяться на то, что однажды Кнопка снова появится. Что снова он увидит ее рыжие веснушки, зеленые глаза, детскую улыбку. Она появится, беззаботно плюхнется в кресло, поджав под себя, как обычно, острые коленки. Потребуется у него сигарету и как ни в чем не бывало примется рассказывать свои небылицы... Ведь больше всего на свете Кнопка любила – врать.

Он отчетливо, словно наяву, представил себе ее лицо. Круглые, чуть раскосые зеленые глаза, пухлые губы, дреды – косички – невероятную прическу, которая делала Кнопку похожей на негритянского репера. Если бы, конечно, не была Кнопка такой беленькой и зеленоглазой.

Рука потянулась к ящику стола – там, в дальнем углу хранились Кнопкины письма. Те самые, которые она писала ему летом, когда он почти на целый месяц уезжал к старому приятелю в Питер. Забавные и печальные письма девочки-старшеклассницы, жалующейся старшему брату на не сложившуюся свою жизнь. Он захотел – снова перечитать эти письма, которые знал наизусть, и все же не решился прикоснуться к листкам бумаги, исписанным ее бисерным почерком. Почему-то показалось нечестным по отношению к Кнопке читать ее письма именно сейчас. Сейчас, когда мысли его были заняты той, другой. Синеглазой и светловолосой девушкой по имени Света. Кнопка, наверное, стала бы ревновать его...

«Что за чушь, – улыбнулся он. – Слава Богу, эта девочка никогда не была в меня влюблена». Она находила себе иные предметы страсти, чаще всего достаточно карикатурные. Влюблялась без памяти в длинноволосого немытого хиппи, а через неделю начинала страдать, по его лысому антиподу. И каждую историю своей любви обязательно рассказывала ему, Сергею. Своему старшему брату, как она его называла. Забавная все-таки она была, Кнопка. Немного странная, смешная. И все же взрослая не по годам. Порой даже мудрая...

Вот этой Кнопкиной мудрости ему сейчас как раз и не хватало. Очень не хватало...

Приоткрылась, едва слышно скрипнув, дверь.

– Не спишь? – спросил отец и, не дожидаясь ответа, поинтересовался: – Где ты шлеялся?

– Так, гулял по улицам. Воздухом дышал.

– Воздухом в наше время дышать вредно. Он сильно загазован, к твоему сведению. Лучше вообще не дышать, чем дышать таким воздухом.

– Хорошо, папа. С завтрашнего дня попробую перестать дышать. Твой бокс уже закончился?

– Кажется, закончился, – без особой уверенности в голосе ответил отец. – Ты собираешься спать?

– Не знаю.

– Пойдем, выпьем по чашке чая.

– Пойдем, – равнодушно пожал плечами Сергей и поднялся с дивана. – Я, кстати, купил чай фруктовый. С апельсиновым вкусом.

– Маразм, – отрезал отец. – Чай должен иметь вкус чая, а апельсин – вкус апельсина.

– Ты так считаешь? Что ж, давай тогда выпьем по чашке обыкновенного чая.

Они долго сидели на кухне и разговаривали ни о чем. Подобные разговоры были для обоих необходимой частью жизни, хотя, возможно, ни отец, ни сын об этом не догадывались.

– Ты какой-то странный сегодня, – заметил отец. – Заторможенный, что ли...

Тостер выстрелил румяными гренками. Сергей вывалил гренки на тарелку и поставил на середину стола. Махнул рукой:

– Не обращай внимания. Просто устал на работе. Слава Богу, завтра выходной. Отоплюсь.

– А на дачу ты ехать не собираешься?

– Маразм, – усмехнулся в ответ Сергей, подражая интонации отца. – Ты считаешь, стоит гробить свою жизнь, выращивая овощи, которые продаются в магазине и стоят копейки?

– Не знаю, – пожал плечами отец. – Нужно же ради чего-то гробить свою жизнь. Какая разница ради чего? По-моему, овощи для этой цели вполне пригодны.

– И что же в них такого замечательного?

– Их, по крайней мере, можно есть.

– А можно и не есть, – возразил Сергей.

– Это негуманно по отношению к животным – есть овощи. Так считает Гринпис...

– Да, ты прав, и все же я не хочу ехать на дачу.

– И я тебя прекрасно понимаю. Более того, будь я твоим месте – просто послал бы подальше зануду-отца.

– Я не так воспитан, – вздохнул Сергей. – А то послал бы, наверное.

– Что ж, будем считать, что ты это сделал. Спокойной ночи. Можешь спать до обеда. Я передам матери, что на дачу ты не поедешь.

– Спасибо, папа.

– Не за что, сын.

Отец поднялся и вышел из кухни. Сергей окликнул его:

– Эй, папа!

– Я слушаю, – отозвался он из темноты прихожей.

– Знаешь, а ты ничего себе папашка у меня, нормальный... Я тебе не говорил об этом раньше?

– Говорил. Но мне все равно приятно. Спокойной ночи сын!

– Спокойной ночи.

Сергей с улыбкой на лице принялся споласкивать чашки, чтобы мама с утра не ворчала на отца.

Он знал – отцу и без того достанется за то, что тот не стал уговаривать сына-шалопая ехать собирать урожай.

«Маразм, – повторял он про себя, расставляя чашки на полке. – Фруктовый чай – это маразм...»

На душе стало легче. Впрочем, так почти всегда случалось после разговора с отцом. Разговора, ничего не значившего и все же означающего так много...

Он убрал пачку чая в шкаф – подальше, чтобы не попадалась на глаза. Собрал со стола крошки от гренок. Огляделся – кругом была чистота. Вернулся в комнату, постелил постель и заснул почти сразу.

Пытаясь заснуть, Павел думал о сыне.

Еще один близкий, дорогой человек, которого в скором времени он тоже потеряет.

В том, что потеряет, сомневаться не приходилось. Узнав, что отец предал мать, сын никогда не встанет на его сторону. Как бы ни была сильна мужская солидарности, какие бы тесные отношения их ни связывали. Он никогда не поймет, а значит, простить тоже не сможет, Павел это знал и готовился к этому.

Наверное, именно поэтому, а совсем не из-за бокса так долго не ложился спать. Просто захотел дождаться сына, перекинуться с ним, как всегда, парой ничего не значащих фраз. И представить себе что же будет? Что будет с ними со всеми в тот момент, когда они наконец узнают? Он часто в последнее время представлял себе эти картины. Репетировал мысленно эту финальную сцену, заранее распределяя реплики между героями, вслушиваясь в интонации голоса, всматриваясь в выражение лиц. Он и сам не понимал – для чего заставляет себя переживать весь этот ужас снова и снова, когда можно было бы и обойтись вполне без этих репетиций, без этих каждодневных, изнуряющих репетиций, можно было бы сыграть эту финальную сцену «с листа»...

Павел убеждал себя: не стоит этого делать. Не нужно об этом думать. Это ни к чему не приведет, это только усилит страдания. И все же не думать – не получалось.

Осторожно, слегка потянув на себя одеяло он опустился на кровать рядом с Ритой, сразу же поворачивался к ней спиной и пытался представить себе, что же станет с Ритой, когда она первый раз ляжет в эту постель с мыслью о том, что в эту ночь муж уже не придет к ней. И в эту, и в следующую, и вообще – никогда...

Представить это было практически невозможно, может быть, он просто щадил себя, ограждался от Ритиных страданий, считая, что и своих собственных для него вполне достаточно. Да, Рита будет страдать. Рита будет ужасно страдать, и если бы только Павел мог ей

помочь, если бы хоть чем-то он мог помочь своей Рите. Он бы сделал все, он бы отдал все на свете за то, чтобы хоть немного смягчить ее страдания.

Все на свете, кроме самого главного. Кроме Валерии.

Просыпаясь по утрам, он обнаруживал себя в той же позе, на том же самом месте – почти на самом краю кровати, как можно дальше от Риты, спиной к Рите. Не видеть ее лица, не чувствовать дыхания, не прикасаться – ни в коем случае. Даже во сне он об этом помнил. Конечно, сейчас Рите тяжело. Но потом, когда все выяснится, она поймет и будет благодарна ему за это. За то, что он не стал оскорблять ее своими прикосновениями. За то, что не стал ломать перед ней недостойную комедию.

Она будет ему благодарна...

Он даже усмехнулся собственным мыслям. Еще немного – и можно будет разрыдаться от умиления. Вот ведь какой он заботливый, какой благородный. В такой ситуации еще умудряется думать о жене. Заранее старается смягчить боль от удара. Только на самом деле это всего лишь хорошая мина при плохой игре. Потому что мужик, бросающий жену и сына ради любовницы, в любом случае поступает подло. Подло, низко... Но это в том случае, если ради любовницы. А когда ради любви?

«Разница, скажи, в чем здесь разница?» – спрашивал он себя, чувствуя интуитивно, что она на самом деле есть, эта разница, и в ней вся соль, в ней все его оправдание. Любовница – женщина, которая диктует свои законы. Любовь – чувство, которое повелевает и которому не подчиниться невозможно. Любовница зовет. Ты можешь пойти, а можешь не пойти. Любовь – другое. Любовь – вихрь, ураган, который налетает и, не спрашивая тебя о твоем согласии, просто подхватывает, отрывает от земли и уносит с собой. И ты летишь. И начинаешь верить в то, что у тебя на самом деле выросли крылья. А когда в это веришь – уже ничего не страшно. Птицы ведь не боятся упасть на землю и разбиться. Так и человек...

Впрочем; о Чем это ей? Какая любовница. Ведь до сих пор он ни разу не прикоснулся к Валерии. Даже не поцеловал – ни разу. Она так и остается для него по-прежнему недостижимой. Далекой и оттого безумно, безумно желанной. Точно так же, как в тот вечер. Вечер, перевернувший всю его жизнь...

В тот вечер он читал лекцию студентам-вечерникам как-то рассеянно. Виной тому, возможно, была усталость, навалившаяся еще накануне, после суматошного дня. Проснувшись утром, Павел сразу понял, что усталость не исчезла. Шести с половиной часов сна оказалось мало. «Возраст», – констатировал он равнодушно, вспоминая молодость, когда тело не знало еще, что такое усталость. Холодный душ и чашка кофе немного взбодрили его. Однако мысль, что впереди целый рабочий день, заполненный до отказа лекциями, плюс заседание кафедры, плюс еще спецкурс, заранее заставили его затосковать о том, когда же этот день закончится...

Павел преподавал в университете историю современной зарубежной литературы. В тот вечер он читал лекцию о жизни и творчестве Габриэля Гарсиа Маркеса. Читал рассеянно, не испытывая привычного чувства погружения в мир героев великого писателя. А такое случалось с ним всегда или почти всегда. Эти параллельные миры буквально затягивали его, заставляли раздваиваться, присутствуя чисто физически в аудитории, но духовно – где-то далеко, совсем далеко от старого здания четвертого корпуса университета. Возможно, именно эта странная его особенность подарила ему славу и заслуженное признание в стенах университета. Лекции его считались самыми интересными не только на кафедре зарубежной литературы, но и вообще на всем факультете.

В тот вечер пыльная аудитория, косые лучи клонящегося к западу солнца и гомон птиц за окном почему-то были более реальны, чем захолустный колумбийский городишко Аркатак, банановая лихорадка, давние войны между либералами и консерваторами... Хотя Павел очень

любил Маркеса. Обожал, почти боготворил его, но в тот вечер усталость оказалась сильнее всего остального.

Он то и дело поглядывал на часы, ожидая, когда же закончится пара. Время текло медленно, и он подбадривал себя мыслью о том, что эта пара последняя, все лекции, и заседание кафедры, и спецкурс на дневном отделении – все это позади. Оставалось совсем немного, и можно будет сдать на милость собственной усталости. Доехать до дома – пятнадцать минут, потом прохладный душ и, наконец, растянуться на диване, включить телевизор и задремать, положившись на то, что Рита накроет его пледом и выключит ненужный телевизор.

Наконец пара закончилась. Аудитория зашевелилась, студенты поднимались с мест и проходили к выходу, изредка на ходу кивая в его сторону и бросая невнятное: «Досвидань, Пал Сеич». Он кивал в ответ, сосредоточившись в гораздо большей степени не на прощании, а на складывании бумаг и тетрадей в портфель. Потом сел, терпеливо дожидаясь, пока все студенты уйдут. Поскольку это была последняя пара, он должен был закрыть аудиторию и сдать ключ на вахту.

Студенты тянулись нестройным потоком к выходу. Поток заметно редел – под конец остались самые медлительные, меланхоличные или просто те, которым некуда было спешить. Но вот, наконец, вышли все. Павел уже поднялся со своего места и тоже направился к выходу, как вдруг заметил, что в дальнем ряду за последним столом, кажется, кто-то сидит. Он приоткрылся.

Какая-то девушка со светлыми волосами на самом деле сидела за последним столом в дальнем ряду. Ее лица не было видно – она сидела, опустив голову на сложенные на столе руки. «Спит, что ли?» – подумал Павел с раздражением. Совсем не хотелось тратить на нее свое время. Даже лишние пять минут было жалко, потому что проснувшаяся усталость во весь голос теперь требовала своего.

– Девушка, – окликнул он ее и сам удивился, поняв сразу, почему его голос прозвучал так тихо.

Потом догадался: ему просто жалко было ее будить. Не смотря на то что спать во время лекции было неприлично и даже оскорбительно в какой-то степени для самого Павла, поскольку он эту лекцию долго готовил и читал в расчете на то, что его будут слушать. Все же жалко было ее будить, как жалко порой бывает будить по утрам Сережку – взрослого уже парня, который ходил на работу к восьми часам. По утрам спящий сын почему-то всегда кажется ему маленьким ребенком» спит всегда так трогательно, словно нарочно в расчете на что сердце родителя дрогнет и он не посмеет нарушить его сон. Павел и правда порой не выдерживал трогательности, выходил из комнаты и просил жег чтобы она сама разбудила сына.

Так и теперь... Только ведь эта девчонка, на парте, как на подушке, не дочка ему. Тогда отчего же.

Он подошел ближе, чтобы попытаться разбудить не повышая голоса. Постоял некоторое время рядом, мая о сыне, потом тихонько прикоснулся к ее плечу снова позвал:

– Девушка! Просыпайтесь, лекция уже закончилась.

Она не реагировала, продолжала спать, неслышно. Он почему-то уже не ощущал раздражения, забыл свою усталость. Руки снова прикоснулась к ее плечу, мгновение ощутив под собою тяжелый шелк ее волос. На этот раз она почувствовала, Вздрогнула, встрепенулась и подняла лицо...

На щеке отпечаталась складка от манжеты блузки. Глаза были синими, сонными, немного припухшими.

– Лекция уже закончилась. Жалко было прерывать ваш сон, госпожа, но увы – мне нужно закрыть аудиторию...

Уже в тот момент он почувствовал, что с ним что-то происходит. Что его реакция на ее сонные глаза, на подрагивающие ресницы, на эту складку на щеке... Какая-то не такая реакция.

Не совсем обычная. Не должен был он, по логике вещей, стоять возле нее, не отводя взгляда, и уже тем более странным было то, что уходить ему совсем не хотелось.

Она закинула руки за голову, потянулась. Совершенно невозмутимо, сладко потянулась, как будто и не на парте спала, а в мягкой, теплой постели.

Он молча наблюдал за тем, как постепенно бледнеет складка на ее щеке. Она тряхнула волосами, и волосы рассыпались по плечам, полыхнув отраженным светом вечернего солнца.

– Извините. Это не оттого, что ваша лекция была скучной. Просто я очень устала...

– Да, я вас понимаю, – ответил он и почему-то добавил: – Я сам настолько устал, что едва не заснул на собственной лекции.

На парте, рядом с ее тетрадью и шариковой ручкой, он заметил тонкую рекламную брошюру. На обложке была фотография какого-то средства для снятия лака. «Без ацетона», – прочитал он крупные буквы и остановил взгляд на тонком стебельке с двумя зелеными листочками и крошечным набухающим бутонem. Стебелек с листочками произрастал из той самой баночки, успешно питаясь жидкостью для снятия лака.

– Глупость какая, – усмехнулся он вслух собственным мыслям. – Цветы не могут питаться жидкостью снятия лака, даже если она без ацетона...

– Что? – Она подняла брови и смотрела на него как на ненормального. – Вы о чем?

– Я – об этом цветке, который расцвел в банке жидкостью.

Он хотел указать ей на брошюру взглядом, но взгляд почему-то не слушался, не двигался с места, остановившись по-прежнему на ее лице.

Она, наконец догадалась. Посмотрела на картинку, улыбнулась.

– Вы не поняли. Этот цветок расцвел в совершенно другом месте, а в банку с жидкостью просто добавили экстракт. Видите, здесь написано: «С экстрактом эдельвейса». Вот что означает эта картинка...

Он улыбнулся в ответ, немного растерявшись от собственной недогадливости. Она снова потянулась, потом извлекла из-под стола джинсовый рюкзачок, забросила в него тетрадь, ручку и брошюру. Откинула плеч волосы, дунула на длинную челку, которая и не думала пошевеливаться от этого ее дуновения. Поднялась и сказала немного грустно:

– Что ж, придется идти домой, раз уж вы разбудили.

– Вам не хочется идти домой?

– Не хочется, – ответила она. – А вас это удивляет?

– Нет, не удивляет. Но лично мне это несвойственно. Мне всегда хочется домой...

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Наверное, вы не поругались с родителями, как я. Вас никто не считает законченным эгоистом и не учит жизни.

– Да, – согласился Павел. – У меня этот этап жизни остался в далеком прошлом. И знаете, я даже сожалею об этом немного.

– О чем здесь можно жалеть?

– Иногда хочется, чтобы кто-нибудь научил жизни. Дал совет.

– Зачем? Для чего?

– Не знаю, – рассмеялся он. – Наверное, для того чтобы снова почувствовать себя молодым...

– Вы не старый, – отрезала она и вдруг добавила: – Меня зовут Валерия.

– А меня, – пробормотал он, не в силах справиться с замешательством, – меня зовут...

– Вас зовут Павел Алексеевич, – напомнила она без иронии, как будто и вправду решила, что он забыл свое имя. – Я, конечно, злостная прогульщица, но все же знаю имена преподавателей. Некоторых.

– Да, по-видимому, вы и правда злостная прогульщица. Ваше лицо мне абсолютно незнакомо, несмотря на то, что это уже пятая или шестая лекция с начала семестра.

– Для меня она вторая, – честно призналась она и замолчала.

Он уже запер аудиторию. Теперь они вместе шли к вахте, где он должен был отдать ключ.
«Бред какой-то, – промелькнула мысль. – Почему я иду так медленно? Как будто на самом деле не хочу с ней расставаться...»

– Конечно, очень жаль, что я заснула. Честное слово, хотелось послушать, как вы рассказываете про Маркеса. «Сто лет одиночества» – моя любимая книга.

– Я читала ее шесть раз. Каждый из бесконечных Хосе Аркадио и Аурелиано мне по-своему дорог.

– Мне это знакомо, – улыбнулся он. – Я, когда молодым, тоже читал любимые книги по несколько раз.

– Вы не старей, – снова напомнила она. – почему теперь не читаете?

– Не знаю, – признался он откровенно, – Просто не читаю, и все.

Они уже вышли из здания. Теперь оставалось только повернуть направо, за угол. Там, за углом, стояла его машина. Он не знал, что сказать. Как остановить убегающее время, как продлить его, хоть ненадолго. был растерян и смущен этим странным чувством, К рому еще не мог дать названия. «Вероятно, – подумалось в тот момент, – это просто ностальгия. Ностальгия по ушедшей молодости...» И вдруг предложил ей, не ожидая от себя этих слов:

– Если вам так сильно не хочется идти домой... если вы правда жалеете о том, что не прослушали мою лекцию, я мог бы рассказать вам...

Она кивала в ответ. Обрадовалась, как ему показалось, и совсем не удивилась. Но, в самом деле, ведь ничего удивительного в том, что преподаватель предлагает заснувшей на лекции студентке прослушать эту лекцию, которую она проспала, в индивидуальном, сказать, порядке...

Просто этот преподаватель влюблен в литературу, ему доставляет удовольствие говорить о литературе со студенткой, оскорбительно заснувшей на его лекции. Особенно с заснувшей студенткой. Почему? Пойди разберись. Ни к чему копаться в себе. Просто усталость испарилась, и ему захотелось поговорить о литературе... «Царство счастливой бессознательности», – промелькнула в голове фраза. Кажется, из Маркеса. Из «Ста лет одиночества»... Из ста лет одиночества – в царство счастливой бессознательности, Только ведь он не был одинок, никогда, ни разу в жизни? У него была Рита, Рита... Тогда отчего же...

–..В то время, когда Габриэль жил в Сипакире, в этом чуждом для него городе, он спасся от одиночества чтением. Позже начал сочинять стихи...

Они медленно гили по аллее, разгребая под ногами желтые листья, спаленные жарким августом и опавшие раньше времени. Август того лета был настолько жестоким, что к сентябрю почти не оставил свежей зеленой листвы на деревьях. Он рассказывал ей про Маркеса. Она слушала, не перебивая вопросами, изредка тихонько улыбалась, хмурила брови, кивала головой. Кажется, ей и в самом деле было интересно.

Незнакомое, никогда прежде не изведенное чувство разрасталось внутри. Ощущая приближение окончания своего рассказа, он начинал тосковать. Смотрел на листья, шуршащие под ногами, и почему-то чувствовал свое родство с ними. Старался не думать о том, что будет с ним дальше. Пытался изо всех сил оказаться снова в параллельном мире. И снова у него ничего не получалось. Слишком определенным, слишком явно выраженным было желание остаться здесь.

Черета полуфантастических персонажей постепенно вытеснила биографические картины. Теперь он рассказывал ей о старом, больном ангеле, упавшем с неба, о призраке лайнера, ежегодно появляющегося у берега какого-то Богом забытого селения. Об утопленнике – необычайном красивом юноше. О бедной Эрендире...

– Я читала все это, – тихо сказала она. – Только воспринимала немного по-другому...

Чем дольше она была рядом, тем настойчивее отказывалось сознание принимать реальность ее существования. Он чувствовал: с каждой минутой все меньше и меньше верится в

то, что эта девушка – настоящая, материально существующая в том же мире, в котором существует он. Что они идут вместе по аллее, усыпанной листьями. Что он знает ее имя и может обращаться к ней, называя ее – Валерия...

Они расстались в начале одиннадцатого, когда на улице стало почти совсем темно.

Он предложил подбросить ее до дома на машине. Она отказалась. А потом тихо произнесла:

– Жаль, что этот вечер закончился. Было очень приятно...

– Мне тоже. Тоже было очень приятно. И поверьте, жаль с вами расставаться...

И в этот момент она сказала какую-то совершенно немыслимую вещь. Произнесла несколько слов, которых он от нее никак не ожидал. Представить себе не мог даже, что она скажет вдруг ему такое.

– Тогда давайте встретимся завтра. Здесь, на этом же месте. Мне нравится здесь. Так тихо, и воздух такой прозрачный...

– Да, конечно, – ответил он оторопело, успев подумать о том, что же он скажет Рите. Но, впрочем, это было не важно. Важным теперь было только дожидаться завтрашнего вечера.

Он дождался его с трудом. Каждая лекция казалась длиной не в полтора, а по крайней мере в три с лишним часа. Перемены вообще были адом крошечным, потому что во время перемен нечем было себя занять. Когда начались занятия у вечерников, он нервничал, во время перемен бродил по коридорам, надеясь разглядеть в толпе ее глаза, ее волосы. А уж последняя лекция у первокурсников вообще тянулась непонятно сколько времени.

Но когда и она наконец закончилась, эта нескончаемая лекция, когда опустела аудитория и он вышел из корпуса с сознанием того, что сейчас, совсем скоро там, за углом, в аллее, усыпанной желтыми листьями... Внезапно заговорила в нем совесть. «Зацвел, старый пень! Распустился буйным цветом! Опомнись, тебе почти пятьдесят. Ты смешон рядом с этой девчонкой, которая наверняка просто захотела получить халявный зачет по зарубежке. Ты поставишь ей этот зачет, и она испарится, исчезнет из твоей жизни. Ее уведет за руку какой-нибудь двадцатипятилетний стилига в модном прикиде или длинноволосый хиппи в засаленных джинсах. И она уйдет от тебя, не сопротивляясь, с этим хиппи. Хотя бы потому, что ему двадцать пять. Опомнись, подумай о жене, о Рите! Подумай о Рите!»

На самом деле, ведь сколько таких историй довелось ему пережить за двадцать с лишним лет работы на факультете! Он не был их действующим лицом, но был очевидцем. Причем с каждым годом эти истории происходили все чаще и чаще. Прошрое поколение студентов – тех, которым сейчас было за тридцать, – было поскромнее. И если случалось получить какой-нибудь студент зачет или пятерку на халяву, то это была инициатива исключительно со стороны преподавателя. Теперь же нередко случается, что студентки сами, не стесняясь выражениях, не краснея даже, предлагают «за зачет» от чего иные стареющие маразматикки отказаться не в силах. Только за последние два года таких случаев добрый десяток. И это истории, известные на факультете. А ведь далеко не каждый «пень» станет афишировать свои приключения. У некоторых капля рассудка все еще остается...

«Нет, – отмахнулся он от назойливых мыслей. Не про нее все это... Она не такая». Она ни на чем не настаивала, никаких сомнительных тем в разговоре не затрагивала. Просто так случилось: она спала, он разбудил ее, и они немного погуляли в парке. Поговорили о литературе. И слушала она его внимательно, и по глазам ее было видно, что она ему благодарна...

Он еще постоял некоторое время возле корпуса, закурил сигарету, что случалось с ним не часто. А после взглянув на часы, уже больше и не думал ни о чем. Потому что стрелка минутная уже начала опускаться вниз, пошел девятый час, а они договорились встретиться в семь. А ведь она может его не дождаться, если он кается еще хоть на минуту.

Он пошел, почти побежал, стараясь не задумываться о том, что со стороны смотрится, возможно, нелепо. Выскочил из-за угла – теперь вход в аллею был перед ним, и увидел, что

там никого нет. Вдохнул облегченно: значит, успел. Она еще не пришла. И вспомнил почему-то вдруг тот цветок, который распустился в банке с жидкостью для снятия лака...

Он ждал ее сорок минут. Прождал бы, наверное, и дольше, без конца повторяя себе, что транспорт ходит плохо, что на дорогах – постоянные пробки, что женщина должна опаздывать, на то она и женщина, бормоча про себя еще какие-то оправдания...

Глупые, ничего не значащие оправдания. Он стоял бы и бормотал их еще, наверное, часа два, глядя на небо, усыпанное звездами. Но пошел сильный дождь, обжег его холодными струями, залез под воротник, и он вдруг увидел себя со стороны – жалкий, нелепый старик, мокнувший под дождем в ожидании промелькнувшей и сразу же скрывшейся за поворотом молодости. Разве она может вернуться? Разве она когда-нибудь к кому-нибудь возвращалась?

Наклонив голову, стараясь спрятать лицо от колючих брызг, он быстро вернулся к университетскому корпусу, завернул за угол и сел в машину. Повернул ключ зажигания, посидел некоторое время, ожидая, когда двигатель разогреется, и уехал домой, запретив себе даже вспоминать о случившемся.

Но не вспоминать не получилось. Весь следующий день, весь вечер он только и делал, что искал ее лицо в толпе студентов. И снова не нашел, не заметил. Наверное, и в самом деле она была прогульщицей, появлялась на занятиях редко. Потом пришли выходные – тоскливые выходные, даже Рита заметила, что с ним что-то не так. «Кажется, температура», – отмахнулся он, а Рита уложила его в постель, заставила поставить градусник, заварила чай с малиной, когда выяснилось, что температура у него и правда повышенная. «Это все дождь, – вздохнула она. – Не понимаю, как могло тебе прийти в голову гулять под дождем?» «Не знаю», – ответил искренне, потому что на самом деле не знал. Не знал и не мог понять, как ни пытался...

В понедельник его отправили в командировку. В Москву, на семинар. Он согласился с радостью, надеясь найти, наконец в этой поездке забвение. И в самом деле, вернувшись через неделю, он почувствовал, что история с Валерией постепенно начинает становиться лишь воспоминанием...

А на следующий день она внезапно появилась.

Да, наверное, именно тогда, в тот день, он понял насколько все серьезно.

Она возникла перед ним совершенно внезапно, словно из воздуха. Он не заметил, не почувствовал ее приближения. Да и время было не ее – только закончилась первая пара у студентов дневного отделения. Он складывал в папку исписанные листки с какими-то заметками. Аудитория была, почти пуста, последние студенты уже подтягивались к выходу, вдруг он услышал:

– Здравствуйте, Павел Алексеевич...

Едва не выронил из рук и папку, и листки, и собственные очки от дальнотзорности, которые надевал во время занятий. Перед ним стояла она.

– Здравствуйте, Валерия.

Голос был неузнаваем. А может быть, ему вообще покидалось, что он что-то сказал?

– Вы меня извините, я в тот вечер не смогла прийти. И предупредить вас не смогла, что не приду. Так нехорошо получилось. Вы меня, наверное, ждали?

– Ждал, – ответил он, несмотря на то что собирался только пожать плечами в ответ и произнести равнодушно: «Нет, к счастью, в тот вечер у меня были неотложные дела, и мне не пришлось мокнуть под дождем, ожидая вас, Валерия».

И еще добавил:

– Долго ждал. Под дождь попал даже, промок весь...

– Ну вот. Нехорошо получилось, вы меня извините. Но сегодня я совершенно свободна. Если вы не против, мы могли бы встретиться с вами. В той же аллее. Или в другом месте, если вы хотите...

– Да, пожалуй, – ответил он. – Давайте встретимся. В аллее...

Так они начали встречаться.

Поначалу эти встречи можно было назвать «литературными вечерами». Разговаривали исключительно на темы современной зарубежной прозы. Как выяснилось, она почти ничего не читала, кроме Маркеса и нескольких писателей, которых просто обязана была знать как студентка-пятикурсница. Однако с упоением слушала его рассказы про мистификации Ромена Гари, про трагическую судьбу японца Юкио Месимы, а однажды он дошел до того, что принялся читать ей стихи. А она все слушала и слушала.

Из аллеи они переместились в тихое и уютное кафе, которое она сама выбрала. Валерия сидела напротив, пила кофе, с детским аппетитом ела то пирожное, то шоколадку. Потом брала сигарету и закуривала, выпуская дым длинной струйкой, иногда попадая Павлу в лицо. Он отмахивался, она смеялась. Они по-прежнему обращались друг к другу на вы, он называл ее Валерией, она его – Павлом Алексеевичем.

Так прошел месяц. В начале этого месяца он уверял себя, что ему нужно просто видеть ее, хоть иногда, пусть редко, но видеть, и все. И ничего больше...

На исходе первого месяца встреч он уже знал, что ему этого мало. Потому что она с первого дня, с первой минуты их знакомства всегда была женщиной. Желанной женщиной...

Об этом кричал каждый ее жест. Поворот головы, изгиб шеи, движения губ, походка. Он даже открыл на досуге «Лолиту», но почти сразу захлопнул, испугавшись, что за этим занятием застанет его жена. Как будто было что-то криминальное в чтении Набокова... Редко теперь оживающая ирония подсказала, что нужен ему теперь не Набоков, а справочник и психиатрии. Если в алфавитном порядке, то на букву «П» смотреть нужно...

Но ирония уже не помогала. И здравый смысл, и присущая всегда критичность к самому себе и окружающим людям – все исчезло, растворилось в этом блаженном чувстве, которому он до сих пор не придумал имени.

Однажды он решил и пригласил ее поехать вместе в лес, на природу. Погода выдалась прекрасная, Рита еще накануне уехала вместе с сыном на дачу, и он мог не беспокоиться о том, что они будут ждать его дома. Валерия согласилась, и он повез ее на то самое место, где часто отдыхал с семьей. С женой, сыном и иногда вместе с его подружкой Кнопкой. Теперь он привез туда Валерию.

Он знал, чувствовал, что это будет не простая встреча. Что-то произойдет, непременно должно произойти, и он ужасно волновался в ожидании этого «чего-то». Они вместе с Валерией собирали сухих дров, он разложил костер, как полагается, насадил мясо на шампуры, расстелил пляжную подстилку на траве.

Валерия сидела, низко наклонив голову, и чистила вареную картошку. Она сама наварила эту картошку, яиц наварила на целый батальон, и даже бутербродов нарезала.

– Как ловко у вас получается, – сказал он, присаживаясь рядом с Ней. – Вашему будущему мужу повезет, вы прекрасная хозяйка.

– Моему будущему мужу? – Она подняла голову, откинула волосы с лица. – О чем это бы?

Она спросила как-то странно. Ему показалось, что впервые за всё время их встреч он различил в ее голосе настоящую, неподдельную злость.

– Вы ведь когда-нибудь выйдете замуж...

– Да, вероятно. – Она снова наклонила голову и снова принялась чистить картошку. А он *вдруг* почувствовал, что обидел ее.

И долго не мог понять, откуда взялось это чувство, Что же он ей такого обидного сказал...

Но она видано обиделась. Отвечала на его вопросы односложно, чистила картошку слишком сосредоточенно, как будто в этом занятии и заключался весь смысл ее жизни.

– Валерия, я вас чем-то обидел?

– Нет, что вы... Ничем вы меня не обидели.

– И все же я вижу, что обидел. У вас обиженное лицо.

Она на него не смотрела. Он, даже зажмурившись от страха, медленно поднял свою ладонь и накрыл сверху ее тонкие пальцы.

Она ничего не сказала. Сидела не шевелясь, не глядя на него, но руки не убирала. Он слегка сжал ее потом погладил их, не веря в то, что кожа человека быть такой гладкой. Снова сжал пальцы, а потом, окончательно потеряв контроль над собой, прижал её руки к губам и стал покрывать поцелуями.

До сих пор, вспоминая об этом, он чувствует, как выскакивает из груди сердце. Потому что этот эпизод был единственным в истории их с Валерией отношение, потому что с тех пор она ни разу не позволила ему к себе прикоснуться. Даже дотронуться до руки...

– Прошу вас. – Она отдернула руку. – Не нужно, ни к чему все это.

– Но почему? Скажи, почему... Мы здесь одни. На никто не видит. Мы знакомы уже не первый день. Скажи, почему?

Она отшатнулась:

– Вы считаете, что этого достаточно?

Резко встала, отошла на несколько шагов, обернулась и стала смотреть на него.

Он не выдержал ее взгляда. Не выдержал негодования в голосе. У него вообще уже ни на что не оставалось сил. Он поднялся, подошел к ней, а потом рухнул на землю, прямо на колени. Поверженный рыцарь...

– Скажи, что я должен сделать, Валерия. Только скажи – я сделаю все. Все, что ты хочешь.

– Встань прежде всего...

Она впервые обратилась к нему на ты, и в другой ситуации уже только это могло бы сделать его счастливым. Но теперь этого было мало. Он встал, послушавшись ее приказания, и стоял теперь напротив нее, не отводя взгляда.

– У тебя глаза горят как у сумасшедшего, – сказала она. – Я тебя боюсь.

– Не бойся, я не сделаю ничего против твоей воли. Только скажи почему?

Валерия долго смотрела на него. Пристально, не мигая. Как будто ждала, что он сможет расшифровать этот ее взгляд и понять все без слов. Без ненужных, лишних слов...

– Потому что я люблю тебя. С первого дня, с того самого момента, когда заснула на лекции, а потом проснулась и увидела тебя... Неужели ты этого не понимаешь?

Ему не хватало воздуха. «Вот ведь, – промелькнула мысль, – обидно будет получить инфаркт в такой момент. Только говорят, что от счастья не умирают?»

Он хотел ответить ей, что тоже любит. Любит ее с того самого момента, с первого взгляда. Но она вдруг сорвалась с места и побежала куда-то. Мелькнула между деревьями – и скрылась, а он помчался за ней, по звуку пытаясь определить ее маршрут и тысячи раз проклиная свою одышку.

– Валерия! – окликнул он, поняв наконец, что потерял ее среди густой и по-осеннему разноцветной листвы. – Валерия!

И вдруг услышал, как она плачет...

Он пошел на звук ее плача и почти сразу отыскал. Она сидела на земле, прислонившись к толстому стволу дерева, и смеялась...

– Черт возьми, я думал, что ты плачешь, – обиделся он почти всерьез.

– Ты не ошибался. Я действительно плачу.

– Валерия, я люблю тебя.

– Вот как? Почему же раньше молчал? Ждал, скажу первая?

– Ты мне не веришь?

– Не верю.

– Но почему?

– Потому что я никогда и никому не верю. Потому что я сама очень часто обманываю.

– А сейчас? Сейчас тоже обманула?

– Нет, только не сейчас. Я люблю тебя. Это правда. Нет, не подходи, прошу тебя...

Она метнулась в сторону, почувствовав его приближение.

– Что сдобой? Я не понимаю тебя». Я тебя люблю Я хочу тебя...

– Нет, не двигайся. Я скажу тебе, сейчас скажу только наберусь смелости и скажу. Понимаешь, Павел... Я никогда не смогу быть с тобой, пока ты не свободен.

– То есть? – Он опешил от удивления; Мысль том, чтобы расстаться с женой, ему никогда в жизни не приходила в голову. – Как это?

– Не начинай. Ты и так все испортил. Поверь, это блажь. Я не ханжа, не моралистка. Причина в другом, она гораздо глубже. Поверь, я люблю тебя. Но не смог быть с тобой, пока ты спишь в постели с другой женщиной... Наверное, я ненормальная. Но по-другому у нас с тобой ничего не получится.

– Ты сошла с ума, – выдохнул он устало. Опустился на землю и тоже откинул голову назад, прислонившись к толстому стволу. – Я прожил с женой тридцать лет. Я не могу ее бросить. Как бы сильно я ни любил тебя, Валерия, но... Пойми, тридцать лет. Их невозможно просто так вычеркнуть из жизни.

– Я понимаю, – тихо сказала она в ответ. – И ни в чем тебя не виню. Я, честно говоря, и не рассчитывала на другой ответ. Я просто так сказала, чтобы ты знал. Хотя нет, не просто так...

Она помолчала некоторое время, а потом добавила совсем тихо:

– Я все-таки немного надеялась. Совсем немного. Да ладно, что об этом говорить. Пойдем обратно, наше мясо уже, наверное, сгорело...

Он поплелся вслед за ней, все еще не веря в то, что произошло. Невозможно было поверить в случившееся.

– Валерия, ты правда любишь меня?

– Правда, – ответила она, не оборачиваясь. – А ты думаешь, мне просто зачет поставить нужно?

– Я никогда не думал такого про тебя.

– Спасибо. А наше мясо, кажется, на самом деле сгорело...

Шашлык на костре обуглился. Павел долго счищал ножом черноту, пытаясь отыскать под ней сочное мясо. Но мясо получалось сухим, невкусным. Валерия съела ради вежливости пару кусков, запила лимонадом. Разговор не клеился. Через час они уже засобирались обратно.

Молчали почти всю дорогу. Павел ехал медлен пытаясь сообразить, что же ему нужно сделать, как-то поправить ситуацию, продлить этот вечер, который только начинался, который они могли бы провести вдвоем.

– Тебя до дома? Кстати, я так до сих пор и не где ты живешь.

– Нет, меня высади в центре, пожалуйста, рынка. Мне кое-что купить нужно.

– Вместе пойдем?

– Не стоит. Тебя ведь могут увидеть. Ни к чему создавать лишние проблемы...

Она сказала это без обиды в голосе. Но почему-то именно после этих ее слов он с внезапной отчетой осознал, что не знает ее адреса, и телефона ее тоже знает. И это значит, что она может исчезнуть из жизни бесследно. Испариться, превратившись в воспоминание. Что он может потерять ее. Валерию. Потерять навсегда...

Резко вильнув к обочине, он нажал на педаль.

– Что случилось? – Она подняла брови и посмотрела на него с удивлением.

– Случилось то, что я тебя люблю. И не хочу тебя терять. Я с ума сойду, если ты исчезнешь. Скажи, исчезнешь?

– О чем ты? – спросила она спокойно, не скрывая, что прекрасно понимает, о чем он сейчас говорит.

– Ты знаешь о чем.

– Догадываюсь... Но послушай, какой в этом смысл. Это только боль. Боль, тоска беспроектная... Может нам и правда больше не стоит встречаться?

– Ты с ума сошла! – почти прокричал он. – Что ты такое говоришь? Как ты вообще можешь говорить такое...

– Успокойся. И не надо на меня кричать. Просто я думаю, что так будет лучше. Поскольку у нас нет будущего...

– Кто тебе сказал, что у нас нет будущего?

– Ты сам мне об этом сказал. Пару часов назад, в лесу. Или не помнишь?

– Неужели это и правда для тебя настолько серьезно? Насколько важно?

– Поверь мне. Прошу тебя, поверь. Я не ломаю комедию. Я не пытаюсь казаться высоко нравственной. Это... Это связано с моим детством.

– С твоим детством?

– Да, только не спрашивай... Я все равно больше ничего тебе не скажу. Может, когда-нибудь...

Это «когда-нибудь» вдохнуло в него силы. «Когда-нибудь» не могло *существовать* ни в каком другом времени, кроме будущего. Значит, она не исключала возможности того, что будущее у них всё-таки есть...

– И ты меня пойми, Валерия. Все это было настолько неожиданно. Как снег на голову...

– Я понимаю. Я и сама не ожидала, что когда-нибудь признаюсь тебе...

– Поэтому я ответил первое, что пришло в голову. Я ответил не думая. Но я обещаю тебе подумать. Я подумаю и возможно...

«Господи, что я такое говорю, – пронеслось в голове. Я говорю невыносимые, дикие вещи. Я никогда в жизни смогу оставить Риту. Она этого не заслужила – быть брошенной в сорок девять лет. Остаться одинокой... Нет, я не смогу оставить Риту. И что она о себе вообразила, с чего вдруг решила, что я непременно должен оставить ради нее жену? Почему нельзя по-другому? Как у всех? Ведь тысячи людей встречаются, благополучно пребывая в браке. Разве у нас не получится?»

Он смотрел на нее и чувствовал – не получится. Чувствовал, что будет только так, как хочет она. Как считает нужным – она. Можно даже не пытаться обмануть ее. Нет, теперь или все, или ничего... Иначе она просто исчезнет. Навсегда исчезнет из его жизни...

– Подумай.

– Только скажи мне, что ты...

– Я не исчезну, – улыбнулась она. – Правда, не исчезну. Я и не смогу теперь, наверное, исчезнуть. Слишком сильно я к тебе привязалась. Ты меня приручил...

– Это ты меня приручила, Валерия.

– Значит, теперь мы в ответе друг за друга. А теперь поедem. Мне на самом деле еще столько дел успеть сделать...

Всю оставшуюся часть дороги он только и думал о том, как же могло такое случиться, что он уже месяц встречается с девушкой и не знает ни ее адреса, ни номера телефона. Почему-то ни разу не пришло в голову спросить, записать.

Он высадил ее в центре города, возле рынка, в котором она собиралась что-то купить.

– Не жди меня, – коротко сказала она. – Увидимся завтра вечером в аллее.

– Валерия! – остановил он ее. – Послушай, дай мне номер телефона!

– Но у меня нет телефона, – ответила она, пожав плечами, и добавила с убийственным спокойствием в голосе: – Не бойся, я не исчезну.

Из дневника Валерии

...Я даже представила себе, как его хоронят.

Мне было девять лет, и я тогда еще ни разу в жизни не видела, как хоронят человека. Это были первые похороны в моей жизни. Я была дома одна. Сидела в кресле и хоронила его – своего отца.

Боже, как я плакала в тот вечер. Наверное, больше никогда в своей жизни я так не плакала. Мне ужасно жаль было с ним расставаться. Я сидела в кресле и шептала ему, как сильно я его любила. Каким замечательным отцом он был для меня и для Насти. Я вспоминала, как ходили мы с ним и с мамой в городской парк. Как катались на чертовом колесе. И как я не боялась упасть – просто потому, что рядом был он. Мой папа. Я вспоминала все – сахарную вату, которую мы обычно ели с ним вместе, одновременно откусывая с разных сторон. Мороженое, которое он покупал мне часто втайне от мамы, потому что мама считала, что у меня слабое горло и мне нельзя есть мороженое. Каждую сказку, которую он мне рассказывал перед сном. Он часто рассказывал мне сказки. Я насчитала их тогда с добрый десяток. Каждую пересказала от начала до конца – чтобы он знал, что я не забыла ни одной сказки. И огромного желтого льва с пушистой гривой тоже вспоминала. Того, которого он подарил мне на прошлый день рождения и который теперь сит Настиным, потому что я уже повзрослела.

И еще о многом вспоминала. Даже о том, чего не было. Например, о том, как поехали мы с ним в Африку охотиться на диких зверей. Когда я была совсем маленькой, он обещал мне, что мы с ним непременно туда поедem. И еще я все время твердила: «Папа, ты был очень хороший. Ты был замечательный у меня, папа. Я так сильно тебя любила...»

Потом пришла мама с Настей. Мама увидела меня, как я сидела в кресле вся в слезах. Она подошла и спросила:

– Что случилось? Что случилось, Лерочка? Почему ты плачешь?

– Разве ты не понимаешь, – сквозь судорожные всхлипы проговорила я. – Как же мне не плакать, ведь у меня умер отец!

Мама тогда ужасно побледнела. Она страшно испугалась, потому что не знала, что в тот момент мы говорили с ней на разных языках.

– Что ты говоришь? Как? Когда это случилось. Откуда ты об этом узнала? да говори же, Лера!

– Только что. Я сама его только что похоронила.

Она еще долго не могла понять, о чем я говорю. А когда поняла наконец, даже рассердилась на меня. За то, что я так сильно ее напугала. За то, что обманула. Она на самом деле решила, что я ее обманула.

– Нехорошо обманывать, Лера. И тем более нехорошо говорить такие ужасные вещи. Я ведь подумала, что это правда...

– Но это – правда! – почти прокричала я и выбежала из комнаты, с силой хлопнув дверью. Полетела с потолка штукатурка...

Первое время мне было ужасно тяжело. Потому что, несмотря ни на всю эту историю с похоронами, в глубине души я все-таки надеялась, что он вернется. Боялась себе в этом признаться, но все равно надеялась.

Сколько раз такое бывало. Сижусь иногда за столом, делаю уроки. Задача какая-нибудь у меня не получается. Я загадаю себе: если сумею решить эту задачу, отец, к нам вернется. Или среди ночи вдруг просыпалась, отчетливо услышав звонок в дверь. Топала босыми ногами в спальню, будила маму:

– Мама, там кто-то пришел. Кто-то в дверь звонит. Иди, открой скорее! Открой, а то он уйдет!

Мама подходила к двери, смотрела в глазок:

– Тебе приснилось, Лерочка. Там нет никого. Иди спать, дочка.

Я послушно возвращалась в свою комнату, и обида закипала во мне с новой силой. Как будто снова отец меня обманул, снова предал.

– Он умер, – шептала я, глотая слезы. – Умер уже давно, неужели ты не понимаешь?

Проходило несколько дней – и снова я просыпалась среди ночи... Только больше уже не будила маму. Сама подходила к двери и смотрела в глазок: может быть, на этот раз не послышалось. Может, и правда вернулся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.